

4/8 2681

ВЗГЛЯДЪ

НА ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТІЕ

РУССКАГО ПОРЯДКА ЗАКОННАГО НАСЛѢДОВАНІЯ

И СРАВНЕНІЕ

ТЕПЕРЕНІЯГО РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБЪ ЭТОМЪ ПРЕДМЕТѢ

СЪ РИМСКИМЪ, ФРАНЦУЗСКИМЪ И ПРУССКИМЪ

РѢЧЬ,

произнесенная въ торжественномъ собраніи Санктпетербургскаго Университета
8-го февраля 1860 года, исправляющимъ должность ординарнаго профессора

К. КАВЕЛИНЫМЪ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА

=
1860

В. С. Сидоров

1860
11

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ , чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
улакоенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, февраля 29 дня 1860 года.

Ценсоръ В. Бекетовъ.

СПБГ

1860
11

ВЗГЛЯДЪ

НА ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТІЕ РУССКАГО ПОРЯДКА ЗАКОННАГО НАСЛѢДОВАНІЯ И СРАВНЕНІЕ ТЕПЕРЕШНЯГО РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБЪ ЭТОМЪ ПРЕДМЕТЪ СЪ РИМСКИМЪ, ФРАНЦУЗСКИМЪ И ПРУССКИМЪ.

(Речь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Санктпетербургскаго Университета, 8-го февраля 1860 года, исправляющимъ должность ординарнаго профессора К. Кавелинымъ).

Мм. Гг.

Совѣтъ С. — Петербургскаго Университета удостоилъ меня чести явиться сегодня передъ вами представителемъ юридическаго факультета. При всей теоретической и практической важности гражданскаго права, преподаваніе котораго мнѣ ввѣрено, очень трудно выбрать изъ него предметъ, годный для академической бесѣды. Критика основныхъ положеній нашей науки началась еще недавно; глубокая печать римскаго права лежитъ на ней; едва только теперь мы начинаемъ разглядывать историческія основы римской жизни и быта въ положеніяхъ, которыя чрезъ многіе вѣка считались непереложными юридическими аксіомами. Въ то время, какъ ученія изслѣдованія постепенно уясняютъ эту мысль, ежедневная жизнь современныхъ европейскихъ обществъ быстро перерастаетъ тѣсныя рамки римскаго права и создаетъ новыя гражданскія формы, не подходящія подъ римскія ученія. Такимъ образомъ, гражданское право, по первоначальной своей разработкѣ — самая древняя изъ всѣхъ юридическихъ наукъ; въ теперешнемъ же своемъ видѣ, оно оказывается едва ли не самою отсталою и молодою. Удивительно ли, что ни по какой другой отрасли права нѣтъ въ ходу, въ

одно и тоже время, стольких застарѣлыхъ сужденій и столькихъ опрометчивыхъ стремленій къ новизнѣ. Тѣ и другія свидѣтельствуютъ, что гражданское право всего болѣе нуждается въ новой ученой разработкѣ, въ строгихъ изслѣдованіяхъ, которыя при всей своей видимой сухости и утомительности, одни только и могутъ заложить прочное основаніе послѣдующей правительственной постановкѣ главныхъ началъ науки. Но какъ ни важны для нея и новые доводы въ пользу старыхъ понятій, и презрѣлыя попытки постановить новое, и кропотливыя розысканія, они, по своему спеціальному и во всякомъ новомъ дѣлѣ полемическому характеру, не могутъ быть предметомъ общезанимательной ученой бесѣды.

Обязанный остановиться на чемъ нибудь, я позволю себѣ обратитъ ваше вниманіе на принятый у насъ *порядокъ наследованія по закону*. Предметъ этотъ близко касается всѣхъ и каждого; практическая важность его безспорна; а между тѣмъ современная литература, поднимая столько вопросовъ, его почти не коснулась. Какъ всѣ главные ученія гражданского права, и порядокъ законнаго наследованія глубоко коренится въ общихъ условіяхъ гражданской и государственной жизни народа, и объясняется его исторією. Порядокъ наследованія, постановленный въ Сводѣ Законовъ, въ особенности нуждается въ такомъ объясненіи. Поэтому я постараюсь возможно кратко рассказать, какъ онъ образовался, и разсмотрѣть его главные начала. Важную помощь въ послѣднемъ отношеніи могутъ оказать иностранныя законодательства, почему я, въ заключеніе, изложу порядокъ законнаго наследованія, принятый въ главнѣйшихъ изъ нихъ, и укажу, чѣмъ онъ существенно отличается отъ нашего.

Заранѣе прошу у васъ, мм. гг., благосклонной снисходительности къ сухости моей рѣчи, неизбежной по свойству предмета и по теперешнему состоянію науки гражданского права. Стараніе придать настоящей бесѣдѣ живость и краски повелѣю только къ болѣе или менѣе неудачнымъ фразамъ, въ ущербъ истинѣ, которая всего дороже. Пока жизнь и наука не разрѣшатъ безчисленныхъ недоумѣній и вопросовъ, осаждающихъ вѣковыя ученія гражданского права, скромная работа осторожныхъ историческихъ изслѣдованій и сличеній должна быть по необходимости нашимъ смиреннымъ удѣломъ.

Исторія законнаго наслѣдованія въ Россіи очень спутана и безсвязна. Изъ всего періода времени до XVII вѣка до насъ дошли объ ней одни лишь отрывочные факты различныхъ эпохъ общественнаго развитія, загадочные памятники историческаго процесса, смыслъ котораго еще не разгаданъ. Отсутствие послѣдовательности между началами нашего древнѣйшаго законнаго наслѣдованія по различнымъ редакціямъ Русской Правды признаетъ даже профессоръ Неволинъ, всегда осторожный въ своихъ выводахъ, и объясняетъ это глубокимъ потрясеніемъ родоваго быта въ нашей частной и общественной жизни въ періодъ междоусобій по смерти Ярослава. Но не въ одной Русской Правдѣ видна такая непослѣдовательность; она замѣчается при сравненіи Судебниковъ съ Русскою Правдою, и ихъ съ Псковскою Судною Грамотою; законы царя Ивана Васильевича о наслѣдованіи точно также стоятъ особнякомъ въ сравненіи съ предыдущими и послѣдующими постановленіями. Только съ начала XVII вѣка наша исторія законнаго наслѣдованія становится яснѣе и понятнѣе.

Профессоръ Неволинъ изложилъ полную исторію нашего наслѣдственнаго права въ третьемъ томѣ своей «Исторіи Россійскихъ Гражданскихъ Законовъ». Обладая изумительною начитанностью, онъ свелъ всѣ данныя, всѣ отрывочныя извѣстія о наслѣдованіи въ одно цѣлое, подробно обслѣдовалъ ихъ, сравнилъ между собою и воспользовался всѣми, даже повидимому маловажными намеками источниковъ, для объясненія древнихъ постановленій. Трудъ, имъ совершенный, есть въ полномъ смыслѣ слова ученый подвигъ, къ сожалѣнію и до сихъ еще поръ не оцененный по достоинству; онъ служитъ и долго еще будетъ служить основаніемъ и исходною точкою при всѣхъ разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ. Но, отдавая полную справедливость ученымъ заслугамъ автора, нельзя вполнѣ согласиться со всѣми его выводами. Будучи по преимуществу легистомъ, профессоръ Неволинъ всюду старался отыскать и возстановить непосредственную связь между законами. Такая метода изслѣдованія вполнѣ достигаетъ своей цѣли въ примѣненіи къ римскому праву и тѣмъ новѣйшимъ законодательствамъ, въ которыхъ юридическія начала уже вполнѣ установились и выяснились, но она очевидно недостаточна при изученіи такихъ историческихъ эпохъ, когда обычай служитъ закономъ, а законъ писанный лишь измѣняетъ и дополняетъ обычай, и потому

представляет одни отрывочныя правила, неизмѣющія между собою непосредственнаго отношенія; когда юридическія начала еще не опредѣлились, находятся еще въ нестройномъ смѣшеніи и вслѣдствіе того, не имѣя возможности развиваться самостоятельно и послѣдовательно, оказываютъ непрерывное вліяніе другъ на друга, въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ. Для изученія такихъ эпохъ нужна другая метода; необходимо вглядѣться во всю совокупность быта, посреди котораго возникаютъ изслѣдуемые отрывочныя юридическія факты, и въ немъ, чрезъ него, искать между ними единства, за недостаткомъ непосредственной связи. Вотъ путь, на который должны, какъ мнѣ кажется, ступить рано или поздно и изслѣдователи древняго нашего права. Послѣдующее изложеніе есть ни что иное, какъ попытка объяснить, съ этой точки зрѣнія, историческое развитіе нашего порядка законнаго наслѣдованія.

Разсмотримъ сначала тѣ условія быта, подъ вліяніемъ которыхъ сложился порядокъ наслѣдованія по закону въ древней Россіи, именно: постепенное развитіе у насъ общественности, поземельной собственности и рода или семьи, въ разныя эпохи нашей исторіи.

Древнѣйшія письменныя извѣстія о нашемъ *внутреннемъ бытѣ* чрезвычайно скудны и не даютъ объ немъ никакого опредѣленнаго понятія, но соображая ихъ съ послѣдующимъ, съ воспоминаніями, сохранившимися до сихъ поръ въ живыхъ памятникахъ народной жизни — обычаяхъ и обрядахъ, съ древнѣйшимъ бытомъ другихъ народовъ и съ выводами науки о постепенномъ развитіи человѣческихъ обществъ, мы можемъ до нѣкоторой степени пополнить этотъ важный пробѣлъ и уяснить себѣ если не подробности, то хотя главныя черты первоначальнаго быта, изъ которыхъ развила послѣдующая общественность, болѣе или менѣе намъ извѣстная по несомнѣннымъ источникамъ.

Наши отдаленнѣйшіе предки, подобно всѣмъ народамъ, начавшимъ свою жизнь съ первой ступени общественности, по всѣмъ вѣроятіямъ жили сперва отдѣльными родами и семьями. До образованія общественныхъ союзовъ, въ этихъ родахъ и семьяхъ сосредоточивалась вся частная и общественная жизнь. Имѣя естественную основу, тогдашніе роды или семьи, въ то же время, представляли, каждый отдѣльно, маленькія государства, съ домовладыками въ челѣ, съ гражданами въ лицѣ чадъ и до-

мочалцевъ, которые или были рождены въ семьѣ, или поступали въ нее со стороны, кто добровольно, кто вслѣдствіе покупки и плѣна. Какъ у всѣхъ народовъ, такъ вѣроятно и у насъ, эти микроскопическія общественныя единицы, эти зародыши послѣдующей гражданственности, не имѣли сначала внутри себя строгихъ опредѣленій. Лицо терялось и ступевывалось въ общности семьи; природныя влеченія слабо сдерживались неустанно вившимися задатками юридическихъ обычаевъ, представляющихъ первую попытку придать разумность грубымъ инстинктамъ.

Впослѣдствіи этотъ древнѣйшій бытъ вездѣ, мало по малу, измѣнился и принялъ другой видъ. Тоже, кажется, произошло и у насъ. Общественные союзы, составленные изъ родовъ и семей заступили мѣсто прежней обособленной, разрозненной родовой жизни. Какимъ образомъ это сдѣлалось? Поводы могли быть самые разнообразныя; здѣсь родъ или семья разросся и распался на отдѣльныя семьи и роды, сохранившіе преданія о единствѣ своего происхожденія и привычку жить вмѣстѣ; тамъ сосѣдство, общія нужды, потребности, занятія, виѣшняя опасность могли сблизить и сдѣлать семьи и роды, не имѣвшіе прежде ничего общаго между собою, въ одинъ общій союзъ. Какъ бы то ни было, но сожительство семей и родовъ въ отдаленныя времена, при первомъ своемъ возникновеніи и долго послѣ, должно было болѣе походить на международный союзъ, чѣмъ на гражданское общество въ теперешнемъ смыслѣ. Сойдясь въ миръ и любовь, роды и семьи первоначально, какъ кажется, сохраняли внутри себя ту же независимость, тотъ же политическій характеръ и значеніе, какъ и прежде, когда жили разрозненно. Только дѣла общія всѣмъ, касавшіяся цѣлаго союза, дѣлались собща, представителями всѣхъ родовъ и семей. Сохранившійся и до сихъ поръ у насъ мѣстами мірской порядокъ управленія посредствомъ домохозяевъ и стариковъ вѣроятно имѣеть многія общія черты съ устройствомъ первоначальныхъ міровъ, и быть можетъ ведется по преданію изъ глубокой древности.

Въ такомъ-то, кажется, состояніи застали насъ варяго-рускіе князья, пришедшіе съ своими дружинами, хотя, разумѣется, нельзя опредѣлить, когда именно начался у нашихъ предковъ новый бытъ и въ какой мѣрѣ онъ успѣлъ повсемѣстно установиться и окрѣпнуть ко времени прибытія Рюрика съ

братьями. Всего вѣроятнѣе, что тогда, какъ и теперь, общественная жизнь представляла въ различныхъ мѣстностяхъ много разныхъ ступеней и отбѣнокъ; но мѣстами союзный бытъ по видимому уже пустилъ глубокіе корни, особливо судя по преданію объ обстоятельствахъ, побудившихъ нашихъ предковъ призвать къ себѣ иноземныхъ властителей.

Варяго-русскія дружины, господствуя у насъ слишкомъ полтораста лѣтъ, не произвели существенныхъ измѣненій въ этнографическихъ элементахъ тогдашней Россіи, но дали тамъ гдѣ утвердился новый видъ общественной жизни. Независимые общественные союзы покорились имъ, и утративъ постепенно свою самостоятельность и значеніе, сошли на второй планъ. Вся государственная власть и политическая жизнь сосредоточились въ дружинахъ и ихъ предводителяхъ, варяго-русскихъ князьяхъ; а къ концу варяго-русскаго періода, когда христіанская вѣра водворилась въ Россіи, къ двигателямъ и представителямъ тогдашней общественной и политической жизни Россіи присоединилась еще и Церковь.

Этотъ строй составныхъ элементовъ нашей общественности сохранился въ главныхъ чертахъ, съ временными колебаніями и частными уклоненіями, чрезъ всю нашу исторію до XIX вѣка, несмотря на то, что варяго-руссѣ уже при Ярославѣ совсѣмъ исчезли, а греческое духовенство, хотя и гораздо позднѣе, замѣнилось русскимъ.

Иначе поставились общественные элементы тамъ, гдѣ варяго-русскія дружины не успѣли прочно утвердиться, именно, на сѣверѣ Россіи. Здѣсь нѣкоторые общественные союзы сохранили свою самостоятельность и потому остались центрами государственной и политической жизни, до присоединенія ихъ къ московскому государству.

Различныя комбинаціи составныхъ частей общественной жизни произвели различія и въ частномъ гражданскомъ быту. Въ независимыхъ сѣверныхъ общинахъ принадлежащія къ нимъ роды и семьи сохранили *право собственности* на свои земли; въ остальной же Россіи поземельная собственность сосредоточилась въ рукахъ князей, церкви, приближенныхъ и слугъ княжескихъ. Послѣдніе, безъ сомнѣнія, могли сначала принадлежать къ семьямъ и родамъ, входившимъ въ составъ прежнихъ независимыхъ общественныхъ союзовъ, даже могли удержать за собою свою старинную поземельную собственность; но мѣрило ихъ по-

земельныхъ правъ стало постепенно зависѣть отъ княжеской службы и милости. Вся послѣдующая исторія поземельнаго владѣнія и собственности въ княжествахъ, московскомъ государствѣ и россійской имперіи точно также опредѣлилась развитіемъ и взаимными отношеніями тѣхъ элементовъ, въ которыхъ сосредоточивалась государственная и политическая жизнь Россіи. Сначала весь княжескій Рюриковъ родъ былъ наследственнымъ обладателемъ земли русской, но члены его не имѣли права наследственной собственности на ту или другую часть ея, и перемѣняли свои владѣнія по особенному порядку старшинства и преемственности; однако вскорѣ это стало измѣняться; Россія раздѣлилась на отдѣльные княжества, наследственные въ однихъ и тѣхъ же княжескихъ линіяхъ; княжества, въ свою очередь, стали подраздѣляться на болѣе дробныя части; наконецъ, княжескія владѣнія, потерявъ государственный характеръ, обратились въ частную собственность, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ державныхъ правъ, зависѣвшихъ отъ личности владѣльцевъ, потомковъ владѣтельныхъ князей.

Другое значеніе имѣли сначала поземельныя права членовъ княжеской дружины и княжескихъ слугъ. Эти лица получали отъ князей города и области въ управленіе, очень похожее на владѣніе; или имъ давались земли въ личную, иногда и наследственную собственность. Такъ какъ государственный и частный элементы не были въ то время строго различены между собою, то эти разные виды поземельныхъ правъ были очень похожи другъ на друга и отличались отъ княжескаго владѣнія только тѣмъ, что владѣтельные князья были самостоятельными владѣльцами, а члены княжескихъ дружинъ и слуги князей находились, относительно поземельныхъ своихъ правъ, въ зависимости отъ князей. Это первоначальное различіе, съ постепеннымъ развитіемъ московскаго единодержавія, должно было мало по маду измѣниться. Удѣльные князья, сдѣлавшись подданными московскихъ великихъ князей и государей, лично и по своимъ поземельнымъ правамъ уравнились съ прочими ихъ слугами. Многіе владѣтельные князья оставляли свои удѣлы и, вступая въ службу къ великимъ князьямъ и государямъ московскимъ, были пожалованы отъ нихъ владѣніями, которыя ничѣмъ не отличались отъ владѣній прочихъ великокняжескихъ слугъ. Такимъ образомъ, къ тому времени, когда окончательно установилось московское единодержавіе, различіе между поземельными

правами князей и прочихъ лицъ должно было совершенно сгладиться и исчезнуть.

Новый порядокъ дѣлъ, возникшій въ Россіи съ упитоженіемъ удѣловъ, не благопріятствовалъ развитію частной поземельной собственности. Типъ вотчинника лежалъ въ основаніи государственной власти, и этотъ типъ не допускалъ правильнаго разграниченія сферы государственной и гражданской; званіе слуги обнимало всю общественную и всю частную жизнь, со всѣми ея сторонами. Черезъ лицо власть простиралась и на его собственность. Оттого нерасположеніе самыхъ яркихъ, типическихъ представителей московскаго самодержавія, каковъ былъ, на примѣръ, царь Иванъ Васильевичъ, къ упроченію поземельныхъ владѣній въ однихъ и тѣхъ же княжескихъ и служилыхъ родахъ, чему въ его время, конечно, могли способствовать и политическія причины. Дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ по русской исторіи предстоить еще рѣшить вопросъ, не было-ли установленіе помѣстной системы плодомъ тѣхъ же стремленій удержать поземельную собственность за государями, предоставляя служилымъ людямъ одно лишь временное пользованіе ею во все продолженіе службы. Въ XVII вѣкѣ начало это только смягчилось нѣсколько въ своихъ приложеніяхъ, но въ существѣ осталось то же. Этимъ объясняется взаимное отношеніе вотчинной и помѣстной системы поземельнаго владѣнія. Последняя сначала служила дополненіемъ первой; вотчины точно также обязывали къ службѣ, какъ и помѣстья; у кого не было вотчины, тому давалось помѣстье; тѣ и другія конфисковались за преступленія противъ службы. Отсюда сближеніе помѣстной и вотчинной системы къ концу XVII вѣка, которое не могло бы имѣть мѣста, еслибъ оба эти вида поземельныхъ правъ также строго различались между собою по началу, какъ по внѣшнему виду.

Петръ Великій сдѣлалъ первую попытку высвободить въ Россіи государственное начало изъ-подъ тяготѣвшихъ надъ нимъ вотчинно-владѣльческихъ понятій и облечь его въ свойственные ему формы. Но при немъ государство также всецѣло поглощало всѣ стороны общественной и гражданской жизни, какъ и до него. Частная поземельная собственность не могла, при такомъ взглядѣ, развиваться самостоятельно. Цѣлый рядъ ограниченій, которымъ она при немъ подверглась во всѣхъ отношеніяхъ, свидѣтельствуетъ, что Петръ Великій не видѣлъ въ ней самостоятельнаго начала, терпѣлъ ее какъ фактъ и безусловно подчи-

няли требованіямъ государственной пользы. Происшедшее при немъ смѣшеніе и слитіе помѣстьевъ и вотчинъ должно разматривать съ этой точки зрѣнія. Оно не произошло вслѣдствіе намѣренія придать помѣстьямъ характеръ частной поземельной собственности, но вслѣдствіе коренныхъ преобразованій государственной и въ особенности военной службы, сдѣлавшихъ помѣстную систему ненужною. Не прежде второй половины XVIII вѣка, при императрицѣ Екатеринѣ II, частныя гражданскія права стали постепенно выдѣляться изъ безразличія государственнаго элемента, обнимавшаго всю жизнь, и получать самостоятельное существованіе. Право частной поземельной собственности дворянства, сложившагося изъ бывшихъ служилыхъ классовъ, признано только въ ея царствованіе за юридическій принципъ. Впослѣдствіи, уже въ самомъ началѣ XIX вѣка, право пріобрѣтати поземельную собственность распространено и на всѣ свободныя состоянія, а въ минувшее царствованіе начато предоставленіе его и несвободнымъ классамъ. Государственный и частный элементъ стали отдѣляться другъ отъ друга и получать каждый свое отдѣльное, самостоятельное существованіе, какъ органическіе элементы общественной жизни.

Наконецъ, исторія поземельныхъ правъ православной церкви точно также находится въ тѣснѣйшей связи съ общею ея исторіею въ нашемъ отечествѣ. Сначала церковь получала земли въ собственность отъ князей, потомъ стала обогащаться поземельными владѣніями и вслѣдствіе благочестивой щедрости частныхъ лицъ, отказывавшихъ въ церкви и монастыри земли и имѣнія, преимущественно въ духовныхъ своихъ завѣщаніяхъ, на вѣчное поминовеніе ихъ душъ по смерти. Изъ этого обычая образовалось мало по малу право церкви наследовать извѣстную часть изъ имѣнія умершихъ владѣльцевъ, а когда они не оставляли послѣ себя ближайшихъ родственниковъ, то и во всемъ имѣніи, съ исключеніемъ прочихъ наследниковъ. Это право или обычай исчезли, кажется, во второй половинѣ XVII вѣка; а въ половинѣ XVIII столѣтія, при императрицѣ Екатеринѣ II, поземельныя владѣнія церкви обращены въ казенное вѣдомство.

Въ тѣсной связи съ этимъ развитіемъ общественныхъ и государственныхъ элементовъ совершалось у насъ развитіе *семейныхъ и родственныхъ отношений*.

Пока роды и семьи жили совершенно отдѣльно другъ отъ друга, во взаимномъ отчужденіи, представляя собою какъ бы

маленькія независимыя государства, принадлежность къ тому или другому роду или семьѣ опредѣлялась не близостью родства, а фактомъ сожительства. Кто отдѣлялся отъ семьи или рода, тотъ и переставалъ принадлежать къ нему. Жены приобрѣтались покупкою дѣвицъ изъ чужихъ родовъ, или отнимались у нихъ наѣздомъ и открытою силою; въ томъ и другомъ случаѣ онѣ переставали принадлежать къ семьѣ, изъ которой вышли и поступали въ составъ новой семьи, которая поглощалась или совокупностью рода или заслонялась личностью одного домовладыки. Все, что принадлежало семьѣ, составляло общую ея собственность; особливо земля не дѣлилась между членами рода по началамъ личной собственности, но находилась или въ общемъ владѣніи, или же не болѣе, какъ во временномъ пользованіи членовъ рода.

Съ образованіемъ общественныхъ союзовъ изъ родовъ и семей, во внутреннемъ бытѣ послѣднихъ должны были постепенно произойти важныя перемѣны. Самостоятельность семей и родовъ по внутреннему распорядку и дѣламъ продолжалась еще долго послѣ того, какъ прекратилась прежняя ихъ взаимная отдѣльность и отчужденность; также долго внутренней ихъ бытъ оставался прежній, безъ существенныхъ измѣненій; но сожительство семей и родовъ, постоянныя ихъ сношенія между собою по общимъ дѣламъ и происшедшее влѣдствіе того взаимное ихъ сближеніе, должны были, мало по малу, ослабить ихъ внутреннюю замкнутость, уменьшить значеніе топографическаго сожительства и вмѣсто него выдвинуть на первый планъ, какъ мѣрило связи и единства, — узы родства и свойства. Такимъ образомъ естественныя, природныя связи обозначились яснѣе и стали опредѣлять семейное и родственное единство, независимо отъ сожительства въ одномъ мѣстѣ, иначе сказать: топографическій характеръ семей и родовъ постепенно утратился и вмѣсто того они стали преобразовываться въ союзы лицъ, соединенныхъ между собою общимъ происхожденіемъ или посредствомъ браковъ, независимо отъ того — живутъ ли члены этихъ союзовъ вмѣстѣ, или отдѣльно другъ отъ друга.

Сообразно съ этимъ новымъ значеніемъ семей и родовъ, и внутренней бытъ ихъ, съ теченіемъ времени, долженъ былъ измѣниться. Съ тѣхъ поръ, какъ принадлежность къ семейству или роду стала опредѣляться не сожительствомъ, а родственными связями, общинное владѣніе землею членовъ семьи или рода

по необходимости перестало быть характеристическим признаком семейнаго и родоваго быта. Отдѣлившіеся члены ихъ могли имѣть свою особливую личную собственность; въ послѣдствіи и общая родовая поземельная собственность стала дѣлиться между ея владѣльцами, членами семей и родовъ. Отъ сближенія родовъ и семей въ общественномъ союзѣ стало также постепенно ослабѣвать понятіе, что женщина, вышедшая замужъ въ другой родъ или семью, становится совершенно чуждою той семьѣ или роду, въ которомъ она родилась и воспитывалась. Напротивъ, браками должны были устанавливаться прочныя родственныя связи и отношенія между семьями и родами; съ тѣмъ вмѣстѣ покупка и увозъ невестъ замѣнились выдачею ихъ замужъ по сговорамъ, съ приданымъ.

Дальнѣйшее развитіе этихъ новыхъ началъ семейнаго и родоваго быта, какъ и самое появленіе ихъ, опредѣлилось историческимъ ходомъ общественныхъ и государственныхъ элементовъ, посреди которыхъ они образовались. Въ массахъ народа долго продолжали жить старыя основы первоначальнаго быта, медленно уступая новымъ условіямъ общности; только семьи и роды были многочисленны или, напротивъ, легко раздроблялись на свои составныя части, смотря по тому, благопріятствовали обстоятельства прочности правовъ и осѣдлости или мѣшали имъ. Но въ семьяхъ и родахъ, выдѣлившихся почему либо изъ народныхъ массъ и принимавшихъ дѣятельное участіе въ государственной и политической жизни, новыя начала должны были водвориться раньше и быстрѣе. Члены этихъ родовъ и семей по своему положенію рано были призваны къ индивидуальной дѣятельности, рано должны были жить и дѣйствовать розно, а не въ общемъ семейномъ или родовомъ составѣ. Таковы были у насъ княжескій и другіе знатные роды, въ особенности тѣ, которые вошли въ княжескія дружины и въ послѣдствіи образовали московское вельможество и служилые чины московскаго государства. Въ этихъ слояхъ древняго русскаго общества преимущественно выработалась индивидуальность членовъ семей и родовъ, личная поземельная собственность, юридическія отношенія между членами родовъ и семей по началамъ родства; къ нимъ почти исключительно относились древнія законодательныя постановленія гражданскаго права. Весьма понятно, что всѣ эти начала опредѣлялись, съ одной стороны, естественными элементами, лежащими въ самыхъ родственныхъ и брачныхъ связяхъ,

а съ другой, государственною жизнью и ея потребностями, которыми семьи и роды должны были подчиняться и сообразно съ которыми семейныя и родственныя отношенія юридически устанавливались такъ или иначе.

Изложенными выше условіями нашего общественнаго и государственнаго развитія и развитія отношеній между членами семей и родовъ долженъ былъ опредѣляться и порядокъ законнаго наслѣдованія. Находясь въ тѣснѣйшей связи съ этими условіями, онъ могъ измѣняться только въ соотвѣтствіи съ ихъ измѣненіями, такъ что, не имѣя даже никакихъ историческихъ извѣстій о постепенномъ развитіи нашего наслѣдованія по закону въ разныя эпохи, мы могли бы вывести его, въ главныхъ чертахъ, изъ одного соображенія общаго хода развитія нашего внутренняго быта. Къ счастью, дошедшіе до насъ отрывочные факты даютъ намъ возможность возстановить картину этого развитія не только въ общихъ чертахъ, но и съ нѣкоторыми подробностями, обозначающими переходныя фазисы историческаго процесса, недоступныя для апіористическихъ выводовъ и заключеній.

Разсмотримъ эти данныя, держась по возможности ихъ хронологической послѣдовательности.

Первое извѣстіе о наслѣдованіи по закону у нашихъ предковъ встрѣчается въ договорѣ Олега съ греками 911 года. Здѣсь сказано, что если кто изъ руссовъ, служащихъ въ Греціи у императора, умретъ не урядивъ своего имѣнія и у него не будетъ своихъ, то имѣніе должно быть возвращено въ Русь къ ближнимъ его («малымъ» или «милымъ» близикамъ). Русинъ, убившій христіанина, или христіанинъ, убившій русина, долженъ умереть на мѣстѣ, гдѣ совершилъ убійство; но если онъ убѣжитъ и у него есть имущество, то послѣднее получаетъ ближній убитаго, а жена убійцы тоже получаетъ свою законную часть («толцѣмъ же прибудетъ по закону»).

Это извѣстіе очень интересно, какъ первое, но оно ничего не объясняетъ. Кто такое ближніе, наслѣдующіе послѣ умершаго или убитаго, и какимъ образомъ они наслѣдуютъ — неизвѣстно, а въ этомъ-то вся сила. Свидѣтельство о томъ, что жена получаетъ законную часть послѣ мужа, тоже возбуждаетъ множество вопросовъ, на которые нѣтъ отвѣта. Во-первыхъ, какая это законная часть? Очень можетъ быть, что здѣсь разумѣется собственное имѣніе жены и что о наслѣдованіи ея послѣ мужа

нѣтъ и рѣчи, тѣмъ болѣе, что въ договорѣ именно говорится о томъ, когда мужъ скроется, совершивъ убійство. Но допустимъ, что Олеговъ договоръ имѣеть въ виду именно часть изъ имѣнія мужа. Замѣтимъ прежде всего, что въ договорѣ Игоря 944 года объ этихъ правахъ жены не упоминается. Итакъ, очень можетъ быть, что право жены получить часть изъ имѣнія мужа не было русскимъ обычаемъ и введено въ договоръ только для совершеннаго уравниенія руссовъ, жившихъ въ Константинополѣ съ греками, у которыхъ существовалъ такой законъ. Выгода его для руссовъ очевидно состояла въ томъ, что не все имѣніе убійцы отходило къ грекамъ. По условія Олегова договора, какъ извѣстно, были для послѣднихъ весьма тяжки; неудачный походъ Игоря поставилъ въ иное положеніе русскихъ въ Константинополѣ; можетъ быть вслѣдствіе этого и не говорится въ Игоревомъ договорѣ о наслѣдованіи жены убійцы въ извѣстной части его имѣнія. Не видно также, получала ли жена свою часть во всякомъ случаѣ, или только тогда, когда находилась съ мужемъ въ Константинополѣ. Договоръ могъ имѣть въ виду одно послѣднее обстоятельство, чтобъ обезпечить существованіе и возвращеніе жены на родину; иначе было бы, вѣроятно, упомянуто объ отсылкѣ въ Русь части, слѣдующей женѣ, какъ объ этомъ сказано относительно имѣнія русина, умершаго безъ завѣщанія и не имѣющаго въ Константинополѣ родственниковъ. Наконецъ, если даже и признать, что по русскому закону жена наслѣдовала послѣ мужа, то все же отсюда трудно было бы заключить о порядкѣ наслѣдованія, господствовавшемъ у насъ въ то время, потому что руссы не составляли тогда всего народа, а только незначительную часть его и могли имѣть свои особливые законы и обычаи, чуждые остальному населенію.

Нѣкоторые изслѣдователи, въ томъ числѣ профессоръ Неволлинъ, стараются опредѣлить, кого разумѣеть договоръ подъ ближними, и въ какомъ порядкѣ они могли въ то время наслѣдовать послѣ умершаго безъ завѣщанія. Съ этою цѣлью они сближаютъ свидѣтельство Олегова договора съ правомъ кровной мести. Послѣднее, какъ извѣстно, принадлежало ближайшимъ родственникамъ; и такъ, заключаютъ изслѣдователи, они же были и ближайшіе законные наслѣдники; порядокъ въ которомъ месть переходила отъ одного родственника къ другому намъ извѣстенъ изъ краткой Русской Правды; стало быть, ко-

нечно, въ этомъ же порядкѣ родственники и наслѣдовали одинъ за другимъ послѣ умершаго безъ завѣщанія.

Какъ ни остроумно это сближеніе, но оно, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается весьма невѣроятнымъ. Въ краткой Русской Правдѣ родственники, которые мстятъ за убитаго, исчисляются въ такомъ порядкѣ: братъ, сынъ, отецъ, племянникъ отъ брата, племянникъ отъ сестры. Если принять, что въ томъ же порядкѣ они и наслѣдовали, то остается непонятнымъ и не объяснимымъ, на какомъ основаніи отецъ могъ наслѣдовать послѣ брата и сына, особливо въ то время? Это несогласно ни съ какими извѣстными доселѣ древними порядками наслѣдованія. Профессоръ Неволнинъ ссылается, въ подкрѣпленіе своего мнѣнія, на порядокъ наслѣдованія князей въ теченіи удѣльнаго періода; но мы не знаемъ ни одного примѣра, чтобъ сынъ исключалъ изъ наслѣдованія отца. При томъ, Русская Правда вовсе не указываетъ на порядокъ, въ которомъ право мести переходило отъ одного лица къ другому. Она говоритъ, что мститъ за брата братъ, или за отца сынъ, либо за сына отецъ, или за дядю племянникъ отъ брата, либо за дядю же племянникъ отъ сестры. Стало бытъ исчисляется только кто за кого можетъ мстить, а не показано кто послѣ кого. Самое это исчисленіе очевидно не полно; ибо если за отца мститъ сынъ, а за сына отецъ, то нѣтъ причины, почему бы, при дозволеніи племяннику мстить за дядю, дядя не имѣлъ права мстить за племянника, а объ этомъ въ Правдѣ ничего не сказано. Наконецъ, въ законѣ Ярославомъ можно подозрѣвать намѣреніе ограничить кругъ лицъ, имѣющихъ право мести, тогда какъ было бы совершенно произвольно искать для того времени такихъ же ограниченій наслѣдованія; послѣднія образовались позднѣе, подъ вліяніемъ другихъ обстоятельствъ.

И такъ, скуднымъ извѣстіемъ о наслѣдованіи ближнихъ послѣ умершаго и сбивчивыми намеками на право наслѣдованія жены въ имѣніи мужа ограничивается все, что мы знаемъ о порядкѣ законнаго наслѣдованія въ длинный періодъ времени до кончины Ярослава. Если къ этому прибавить даже тѣ положенія, которыя такъ остроумно и основательно выведены Эверсомъ изъ исторіи княжескаго Рюрикова рода въ теченіи варяжскаго періода, то и тогда свѣдѣнія наши объ этомъ времени будутъ чрезвычайно бѣдны. Мы узнаемъ только, что каждый наслѣдникъ получалъ свою особливую часть, что дѣти наслѣдовали послѣ

отца, братья послѣ братьевъ, что за малолѣтствомъ князя власть княжеская принадлежала опекуну, матери, которые удерживали ее по смерти; что супруги и дочери владѣтельныхъ князей имѣли свои удѣлы, которые переходили къ нимъ отъ отца и передавались иногда дѣтямъ ихъ въ отдѣльную собственность. Но эти данные, объясняя до нѣкоторой степени варяго-русскіе обычаи и законы, оставляютъ насъ въ совершенномъ невѣдѣніи относительно того, какой порядокъ законнаго наслѣдованія существовалъ между туземцами.

Извѣстія, дошедшія до насъ изъ удѣльнаго періода, при всей своей неполнотѣ, точнѣе и опредѣлительнѣе. Чтобъ понять ихъ надлежащимъ образомъ, необходимо припомнить условія общественнаго и частнаго быта того времени, о которыхъ я говорилъ выше. На сѣверѣ Россіи, въ новгородскихъ областяхъ, общественный союзъ родовъ и семей, по удаленіи отсюда варяго-русскихъ дружинъ, сохранилъ свою независимость. Вдали отъ княжескихъ междоусобій, не зная ни набѣговъ степныхъ кочевниковъ, ни завоеванія татаръ, сѣверный край могъ развиваться самостоятельно и безъ глубокихъ потрясеній, которыя испытала остальная Россія. Оттого здѣсь процвѣла торговля и долго удерживались старинныя права, всегдашніе спутники и свидѣтели крѣпкаго, прочнаго быта. При такихъ условіяхъ, семьи и роды, изъ которыхъ слагился общественный союзъ, разлагались на сѣверѣ Россіи медленнѣе, чѣмъ въ остальныхъ ея частяхъ, и домовитость, какъ кажется, была тамъ въ порядкѣ вещей.

Другую картину представляетъ остальная Россія. Варяго-русскія дружины, получивъ здѣсь осѣдлость и пустивъ корни, отодвинули союзы семей и родовъ на второй планъ и заняли первое мѣсто въ общественной и политической жизни. Междоусобія князей Рюриковой династіи, въ продолженіе варяжской эпохи, частые походы ихъ внутри и внѣ Россіи, набѣги кочевниковъ— все это повторялось еще съ большою силою и въ большихъ размѣрахъ въ теченіи такъ называемаго періода удѣловъ и должно было глубоко потрясти народный бытъ и нравы. Здѣсь, слѣдовательно, процессъ разложенія семей и родовъ, вошедшихъ въ составъ общественныхъ союзовъ, долженъ былъ совершиться быстрѣе. Рядомъ съ тѣмъ, вслѣдствіе политическихъ условій той части Россіи, въ которой утвердились варяго-русскія дружины, семья и родъ гораздо ранѣе и скорѣе потеряли здѣсь то-

пографическій характеръ и обратились въ союзы лицъ, связанныхъ между собою родствомъ, независимо отъ мѣста жительства. Княжескій родъ, вполнѣ обрусѣвшій ко времени Ярослава и по своему значенію стоявшій въ челѣ Россіи, болѣе всѣхъ другихъ выражалъ собою эту новую фазу въ развитіи семьи и рода. Тоже представляютъ и княжескіе дружинники и слуги, роды которыхъ, со временъ Ярослава, уже не пополнялись болѣе варягами, а почти исключительно туземцами. Все знатное, богатое, вообще почему либо выдававшееся впередъ изъ народныхъ массъ, вѣроятно вступило въ службу къ князьямъ и вошло въ составъ княжескихъ дружинъ. Эти семьи и роды, при тогдашней подвижности князей, должны были постепенно тоже утратить топографическій характеръ. Въ самомъ образѣ жизни и дѣятельности этихъ высшихъ слоевъ общества, игравшихъ главную роль, лежало условіе индивидуальной самостоятельности членовъ семьи, упадка общиннаго владѣнія и развитія—если не личной собственности, то по крайней мѣрѣ отдѣльнаго, личнаго владѣнія.

Вслѣдствіе различныхъ формъ общественнаго и частнаго быта въ сѣверной и остальной Россіи, установились здѣсь и тамъ различные порядки законнаго наслѣдованія. О первомъ мы находимъ извѣстія въ Псковской Судной Грамотѣ XV вѣка, о второмъ въ Русской Правдѣ, составленной во всякомъ случаѣ не позже XIII вѣка.

Въ Псковѣ, новгородскомъ пригородѣ, наслѣдство представляетъ пѣчто цѣлое, разсматривается не какъ имущество, а какъ хозяйство, которое не дѣлится между лицами, а достается вполнѣ тому или тѣмъ, кто остается послѣ умершаго въ его домѣ, на томъ же корню, и завѣдываетъ домашними дѣлами. Если сынъ отдѣлится отъ отца или матери и не прокормитъ ихъ до смерти, то не наслѣдуетъ послѣ нихъ; кто живеть съ умершимъ, тотъ наслѣдуетъ, будетъ ли то отецъ, мать, сынъ, братъ, сестра или кто изъ близкихъ родственниковъ (*).

(*) Гнъ Энгельманъ, въ прекрасномъ трудѣ своемъ: «Гражданскіе законы Псковской Судной Грамоты» (Спб. 1853, стр. 86) неправильно, какъ мнѣ кажется, объясняетъ относящееся сюда мѣсто Псковской Судной Грамоты. Въ текстѣ сказано: «А у котораго умръшаго а будетъ отецъ, или мать, или сынь, или братъ, или сестра, или кто ближняго племяни, а животомъ владѣетъ, са толко не сторонній людие, ино имъ волно искати безъ закладъ и безъ записи «умръшаго, а на нихъ волножъ искати.» Г. Энгельманъ вставляетъ передъ словами: *животомъ владѣетъ мѣстоимѣніе кто.* Изъ этого смыслъ выходитъ у

Примѣняясь къ теперешнимъ понятіямъ, изслѣдователи отыскиваютъ порядокъ, въ которомъ эти лица наслѣдовали одно за другимъ; но попытка эта очевидно тщетная. Если сынъ не наслѣдуетъ послѣ родителей, отдѣлившись отъ семейства, то ясно, что наслѣдуетъ, если можно такъ выразиться, домъ, а не лицо. На томъ же основаніи жена послѣ мужа владѣетъ его имѣніемъ, а мужъ имѣніемъ жены послѣ ея смерти, до новаго брака, т. е. пока не будетъ основано новое семейство, новое хозяйство. Подобный этому порядокъ наслѣдованія существуетъ отчасти и теперь у велико-русскихъ крестьянъ. У нихъ слабо развито понятіе объ особливомъ наслѣдованіи каждаго изъ членовъ семьи, пока хозяйство остается нераздѣльнымъ. Все имущество принадлежитъ дому, семьѣ; самые даже заработки поступаютъ въ общую казну. Старшій завѣдуетъ общимъ хозяйствомъ. Оттого, если кто либо изъ семьи умретъ, а домъ остается нераздѣльнымъ, то никто изъ членовъ семьи отдѣльно и не наслѣдуетъ. Очень долгое время сдаваемые въ рекруты, выписывающіеся въ городъ или другое общество, вообще всѣ члены семьи, отдѣлившіеся отъ нея и основавшіе свое особое хозяйство, не наслѣдовали; понятіе объ особливомъ имуществѣ каждаго изъ членовъ семьи, или правильнѣе дома, о наслѣдованіи по родству, есть явленіе новое, свидѣтельствующее о постепенномъ прониканіи въ семейный бытъ сельскаго населенія Великороссіи начала гражданской личности. Чѣмъ далѣе назадъ, тѣмъ такое понятіе невозможно, и гдѣ обычай до сихъ поръ держаться крѣпко, тамъ подобныя новизны считаются отступленіемъ отъ старыхъ добрыхъ нравовъ.

Другое находимъ въ остальной древней Россіи. Въ Русской Правдѣ говорится особливо о наслѣдованіи послѣ смерти и послѣ члена княжеской дружины; въ извѣстныхъ случаяхъ князь наслѣдуетъ послѣ тѣхъ и другихъ. О наслѣдованіи въ землѣ не встрѣчаемъ ни слова, тогда какъ въ Псковской Судной Грамотѣ упоминается объ «отчинѣ». Наконецъ, ни разу не называются наслѣдниками отецъ, мать, братъ, сестра, ближнее племя; мужъ, жена, сынъ, дочь — вотъ тѣсный кругъ наслѣд-

у него такой, какъ будто бы рѣчь шла о постороннихъ лицахъ; а не тѣхъ родственникахъ, которые исчислены передъ тѣмъ. Я думаю, что эта вставка произвольная и искажаетъ текстъ, самъ по себѣ очень ясный. Приведенное мѣсто говоритъ о томъ случаѣ, когда кто либо изъ названныхъ родственниковъ, а не стороннее лицо, владѣетъ имуществомъ умершаго.

никовъ по Русской Правдѣ. Тщательно опредѣляется, которому именно изъ дѣтей долженъ достаться домъ послѣ отца — явное доказательство, что братья, обыкновенно, не владѣли наслѣдствомъ сообща, а по смерти отца дѣлились между собою и жили врозь. Такъ какъ по старому обычаю, котораго обширное при-
мѣненіе мы видимъ въ Псковской Судной Грамотѣ, отдѣлившіеся члены семьи не наслѣдуютъ, то отсюда естественно вытекало, что тотъ, у кого не было дѣтей, по Русской Правдѣ и не имѣлъ наслѣдниковъ и имѣнье его доставалось князю; ибо со смертью его домъ, хозяйство, оставались безъ главы, безъ хозяйина, и потому переставали существовать. Та же самая мысль видна еще изъ слѣдующаго: когда послѣ умершаго оставались дѣти и вдова, то послѣдняя, пока не вступила въ новое супружество, оставалась хозяйкою дома и владѣтельницаю всего имущества покойнаго мужа; дѣти его, отъ котораго бы брака не происходили, не могли имъ владѣть и распоряжаться, не могли предьявлять противъ нея никакихъ требованій, хотя бы она растеряла добытокъ мужа. Но какъ только она вступала въ новый бракъ, между нею и дѣтьми ея тотчасъ же начинались юридическія отношенія по отцовскому имѣнію. Она обязана была отдать его дѣтямъ, потерянное возвратить. Это потому, что выходя за мужъ, она оставляла домъ и мѣсто ея заступали дѣти. Подобнымъ образомъ и мужъ владѣлъ имуществомъ покойной жены, до своей смерти; это видно изъ того, что пасынки, по смерти матери, брали себѣ ея имущество, такъ какъ они составляютъ особое семейство, временно соединенное съ другимъ вслѣдствіе новаго брака ихъ матери.

Права наслѣдованія лицъ женскаго пола, о которыхъ уже отчасти говорено выше, точно также соотвѣтствовали общимъ условіямъ древняго нашего быта и опредѣлились положеніемъ женщинъ въ тогдашнемъ обществѣ. Языческое многоженство давно уже исчезло. При болѣе и болѣе тѣсномъ сближеніи родовъ и семей въ общественномъ союзѣ, жены перестали быть купленнымъ или насильно отнятымъ товаромъ, погибшими членами семействъ, въ которыхъ родились, чужими между чужихъ, предметами вѣчныхъ слезъ своихъ матерей. Конечно, нравы народные еще долго послѣ того сохраняли живыя воспоминанія объ этомъ времени и сохраняютъ ихъ болѣе или менѣе и до сихъ поръ; но на самомъ дѣлѣ, суровая судьба женщины, по самому свойству сожителства родовъ и семей, должна была по немногу

смягчиться; супружество, при этомъ новомъ видѣ общественной жизни, не отрывало уже навсегда новобрачную отъ семьи, въ которой она родилась, а напротивъ, служило поводомъ и основаниемъ къ болѣе тѣсному сближенію породнившихся между собою родовъ и семей. Здѣсь скрывается зародышъ личной самостоятельности женщины, будущаго признанія ея личныхъ и имущественныхъ правъ. Родители невѣсты, отдавая ее замужъ по добровольному согласію, поддерживая съ нею связи и послѣ брака, вступая чрезъ нее въ болѣе тѣсныя и постоянныя отношенія съ ея мужемъ и его родными, естественно старались поставить свою дочь въ новой семьѣ какъ можно лучше; тутъ могло примѣшиваться и очень естественное желаніе не уронить себя передъ другимъ родомъ, похвастать передъ нимъ своею зажиточностью. Все это должно было повести къ отмѣнѣ покупки невѣсты и къ отдачѣ ихъ замужъ съ приданымъ, которое, въ свою очередь, еще болѣе упрочило возникавшее начало гражданской личности женщины.

Но это начало не вдругъ водворилось со всеѣми своими послѣдствіями. И тогда и очень долго послѣ, существованіе лицъ женскаго пола имѣло, по общепринятымъ понятіямъ, худо скрывавшимъ первобытную грубость нравовъ, свое извѣстное назначеніе, которымъ и опредѣлялось общественное и гражданское положеніе женщины. Дѣвушка должна выдти замужъ; замужняя женщина есть супруга, мать, хозяйка дома или работница. Застарѣлая дѣвица, бездѣтная вдова, не имѣли никакого значенія и потому общественное положеніе ихъ было самое неопредѣленное и жалкое. Бездѣтныя вдовы потому и назывались сиротами, подобно дѣтямъ, лишившимся родителей. Такимъ лицамъ женскаго пола, или неисполнившимъ, или уже выполнившимъ свое назначеніе, ничего болѣе не оставалось дѣлать на землѣ, какъ идти въ монастырь и посвятить себя Богу. Изъ этихъ понятій вытекало, что дѣвушка не была прочнымъ членомъ своего семейства; она предназначена была, рано или поздно, оставить свою семью и выдти замужъ въ чужую; но и въ новой семьѣ она была прочнымъ членомъ только до тѣхъ поръ, пока мужъ былъ живъ, или когда послѣ его смерти у нея оставались дѣти, и она, будучи вдовою, продолжала быть хозяйкой дома и главою семейства.

Согласно съ этими понятіями установилось и право наследованія женщинъ. Какъ непрочныя члены семьи, дочери не на-

слѣдовали послѣ отца, а только получали приданое; вдовы или жили вмѣстѣ съ дѣтьми или получали часть изъ имѣнія мужа; часть не была наслѣдствомъ, а лишь способомъ обезпеченія вдовы послѣ смерти мужа. Только во вдовствѣ женщина достигала полной гражданской самостоятельности, да и то весьма жалкой, если у нея не было дѣтей; въ дѣвчествѣ и замужемъ она была въ зависимости отъ другихъ и рѣчь шла только о томъ, кто будетъ кормить и содержать ее. Незамужнихъ содержалъ и кормилъ отецъ, а по смерти его — братья; жену — мужъ; мать, если у покойнаго ея мужа не было своего имѣнія, — дѣти, сыновья или замужнія дочери. Женщина сама по себѣ не имѣла своего дома, своего хозяйства; оно было или родительское, или мужнино, или дѣтское. Вслѣдствіе этого, послѣ нея нѣтъ наслѣдства; что она оставитъ своего по смерти, то по Русской Правдѣ достается не всѣмъ ея дѣтямъ, а только тѣмъ изъ нихъ, у которыхъ она жила въ домѣ, кто ее содержалъ и кормилъ, будетъ ли то сынъ или даже дочь.

Замѣчательное отступленіе отъ этихъ началъ составляетъ право дочерей бояръ и членовъ княжеской дружины наследовать послѣ отца, если у него нѣтъ сыновей. Очень можетъ быть что это изъятіе развилось подъ влияніемъ иноземнаго варяго-русскаго элемента; но корень его скрывается гораздо глубже, именно въ условіяхъ быта знатныхъ семей и родовъ, выдѣлившихся изъ массы народа и утратившихъ, какъ я уже сказалъ, первоначальный топографическій характеръ. Въ этихъ семьяхъ лицо, естественнымъ образомъ, не могло такъ поглощаться семействомъ, домою, какъ въ большинствѣ народонаселенія; въ нихъ, по самому роду ихъ жизни и занятій, ранѣе чѣмъ во всѣхъ прочихъ, могло выработаться личное начало, отдѣльная собственность членовъ семейства, юридическія отношенія между ними, какъ личныя, такъ и по имуществу. Всѣ эти обстоятельства должны были отразиться и на лицахъ женскаго пола, принадлежащихъ къ этимъ семействамъ. Что не одно иностранное вліяніе сообщило у насъ женщинамъ права законнаго наследованія, — это всего лучше доказывается послѣдующей исторіей нашего законодательства; въ московскомъ государствѣ эти права признаны во всѣхъ служилыхъ классахъ, то есть между вотчинниками и помѣщиками, составлявшими высшіе слои тогдашняго общества.

Самымъ полнымъ и совершеннымъ выраженіемъ семьи или рода, представляющаго не мѣстное сожителство, а личный союзъ родственниковъ, былъ, въ теченіе этого періода, княжескій родъ Рюриковъ. Въ лицѣ его родовыя и семейныя отношенія возведены на степень государственныхъ и политическихъ, и это именно придаетъ исторіи ихъ между князьями особенную важность для нашего внутренняго быта того времени. Эта исторія, по самому значенію княжескаго рода, болѣе подробна и обстоятельна, чѣмъ всѣхъ прочихъ семей и родовъ той эпохи. Сверхъ того, княжескій Рюриковъ родъ, стоя въ общественной дѣятельности выше всѣхъ другихъ, не былъ стѣсняемъ въ развитіи своемъ различными препятствіями, которыя могли мѣшать свободному, естественному развитію другихъ родовъ.

Что же представляетъ исторія междукняжескихъ отношеній?

Княжескій родъ владѣлъ всею русскою землею, разселяясь, по мѣрѣ своего размноженія, все далѣе и далѣе. Сначала князья получаютъ въ особливое владѣніе и пользованіе княжества и земли, но не на правахъ собственности, такъ что начало общаго владѣнія удерживается довольно долго. Это устанавливаетъ особеннаго рода наследованіе или преемство между князьями на основаніи близости къ родоначальнику, другими словами, на основаніи старшинства въ родѣ. Лица женскаго пола не участвовали въ этомъ распредѣленіи владѣній, но имѣли свои удѣлы, которые давались имъ князьями въ своихъ владѣніяхъ. Такимъ образомъ, внутреннее устройство княжескаго рода не покоилось на безусловномъ господствѣ главы его надъ всѣми членами, какъ въ первоначальномъ быту, личность ихъ не была поглощена единствомъ рода, но имѣла самостоятельность и подчинялась не произволу старшаго князя, а извѣстнымъ правиламъ, извѣстному распорядку взаимныхъ отношеній, отъ котораго нельзя было отступать. Но эти правила и этотъ распорядокъ, по самой новизнѣ такихъ отношеній между членами рода, не были выработаны юридически и, обнимая немногіе случаи и небольшой кругъ родственниковъ, оказались недостаточными для точнаго опредѣленія междукняжескихъ отношеній когда число князей стало значительнѣе и отношенія, разумѣется, сложнѣе. Вслѣдствіе этого, линіи или отрасли княжескаго рода начали мало по малу отъ него отдѣляться и образовывать особливые княжескія семьи, удерживая за собою, уже въ потомственномъ владѣніи,

извѣстныя части Россіи, обыкновенно тѣ самыя, которыя находились подъ властью ихъ родоначальниковъ. Такимъ образомъ, начало вотчиннаго владѣнія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и распаденія общиннаго владѣнія, было поставлено. Со временемъ послѣднее было совсѣмъ вытѣснено первымъ, и княжескія владѣнія стали постепенно переходить въ нисходящее потомство, съ раздробленіемъ между членами княжескаго семейства на наслѣдственные удѣлы.

Исторія междукняжескихъ отношеній до вступленія на престолъ Бориса Годунова превосходно обработана въ классическомъ сочиненіи профессора Соловьева. Она входитъ главнымъ образомъ въ исторію нашего государственнаго права и потому здѣсь не мѣсто излагать ее; только результаты ея чрезвычайно важны для послѣдующаго развитія нашего наслѣдственнаго права, въ особенности же порядка законнаго наслѣдованія. Черезъ междукняжескія отношенія у насъ выработалось и водворилось начало юридической самостоятельности каждаго члена семейства или рода, со всѣми его послѣдствіями, а именно: личныя поземельныя права, раздѣлъ наслѣдства, тѣсно съ этимъ связанные правильные генеалогическіе разсчеты, обнимающіе огромный кругъ родства и опредѣляющіе, по степенямъ и линіямъ, преимущество однихъ родственниковъ предъ другими по наслѣдованію. Подъ вліяніемъ междукняжескихъ отношеній установилось у насъ также понятіе о родовомъ имуществѣ, и если оно развилось не послѣдовательно и не вполне, то объясненія должно искать въ той же исторіи междукняжескихъ отношеній: поздняя осѣдлость князей и вскорѣ за тѣмъ послѣдовавшее постепенное подчиненіе ихъ московскимъ государямъ въ полное подданство, не могли благоприятствовать правильному и цѣльному развитію понятія о родовыхъ вотчинахъ. Словомъ, въ юридическихъ отношеніяхъ между князьями, какъ личныхъ, такъ и по имуществу, особливо подъ конецъ удѣльнаго періода, не трудно подмѣтить первообразъ подобныхъ отношеній между членами служилыхъ родовъ и семействъ московскаго государства. Это было тѣмъ естественнѣе, что служилыя сословія московской эпохи стали выдвигаться на первый планъ уже когда удѣлы изчезали одни за другими; притомъ ряды служилыхъ людей московскаго государства наполнились потомками бывшихъ удѣльныхъ князей, которые принесли съ собою свои понятія и воспомина-

нія, естественно сообщившіяся прочимъ, и послужившія для нихъ образцомъ.

Княженіе Ивана Васильевича III, составляющее эпоху въ политической и государственной исторіи Россіи, составляетъ также эпоху и въ исторіи нашего внутренняго развитія. Съ этого времени быть народныхъ массъ, мало по малу, заслоняется высшими слоями общества; законодательство относится преимущественно къ послѣднимъ, а первые продолжаютъ жить стародавними обычаями. Это замѣчаніе примѣняется въ особенности къ гражданскому праву, которое съ XV вѣка до начала XIX носитъ на себѣ замѣтную печать служилыхъ разрядовъ общества. Въ постановленіяхъ о наслѣдованіи, о вотчинныхъ и помѣстныхъ правахъ, о межеваніи, о правахъ на холопей и крестьянъ, постоянно идетъ рѣчь о помѣщикахъ и вотчинникахъ, за которыми, съ самыми незначительными изъятіями, осталась привилегія поземельной собственности и владѣнія, рядомъ съ государствомъ и церковью. Только съ XIX вѣка, когда низшія сословія стали постепенно получать гражданскія права, кругъ законодательной дѣятельности сталъ, мало по малу, расширяться, и обнимать всѣхъ подданныхъ имперіи.

Подъ вліяніемъ этихъ условій развивается и порядокъ законнаго наслѣдованія. Законодательство обращаетъ все вниманіе на опредѣленіе наслѣдованія въ вотчинахъ и помѣстьяхъ. Исходными точками всѣхъ этихъ опредѣленій служить, съ одной стороны, юридическій характеръ вотчинныхъ и помѣстныхъ правъ, а съ другой внутреннее устройство семей и родовъ служилыхъ сословій этого времени.

Въ Судебникахъ великаго княжескомъ (1497) и царскомъ (1550) находимъ лишь слабые намеки на новыя начала законнаго наслѣдованія и притомъ въ самыхъ общихъ, неопредѣленныхъ выраженіяхъ. По Судебнику великаго князя Ивана Васильевича предметомъ наслѣдованія можетъ быть не только движимое, но и недвижимое — земля. Наслѣдуетъ по закону сынъ, за недостаткомъ сына дочь; а не будетъ дочери — ближайшій родственникъ. Въ царскомъ Судебникѣ повторено то же самое, но съ прибавленіемъ, что послѣ сыновей и дочерей, прежде прочихъ ближайшихъ родственниковъ, къ наслѣдству призываются внуки отъ сыновей и дочерей. Легко можетъ быть, что постановленія Судебниковъ, по замѣчанію профессора Неволіна, дѣйствительно заимствованы изъ извлеченія изъ законовъ Моисеевыхъ, но вы-

раженныя здѣсь начала, какъ мы видѣли, уже установились въ жизни; нужно было опредѣлить ихъ и такое опредѣленіе, за недостаткомъ туземныхъ источниковъ, могло быть взято изъ иностранныхъ законодательствъ, которыя находились подъ рукою и соответствовали даннымъ условіямъ.

Развитіе началъ законнаго наслѣдованія, поставленныхъ Судебниками, было временно пріостановлено Іоанномъ IV и продолжалось уже при династіи Романовыхъ. Причины должно искать частью въ политическихъ обстоятельствахъ того времени, частью въ свойствѣ, общемъ всѣмъ переходнымъ эпохамъ, — рядомъ съ очевидными нововведеніями, подготавливающими новыя условія жизни, крѣпко держаться понятій и установленій, отжившихъ свой вѣкъ. Таково было царствованіе Ивана Грознаго, довольно уясненное теперь съ психологической стороны, но все еще слишкомъ мало изслѣдованное съ точки зрѣнія политической, административной и юридической. Составляя узелъ, связующій предшествующую старину съ послѣдующимъ временемъ, эпоха Грознаго представляетъ странное сочетаніе новыхъ стремленій, издалека предвѣщающихъ реформу Петра Великаго, съ старыми понятіями. И при Грозномъ, по вѣчному закону органической жизни, новое зараждается въ старыхъ формахъ, которыя какъ будто утверждаются и упрочиваются. Идеаль царской власти, къ осуществленію котораго царь Иванъ Васильевичъ стремился, запечатлѣнъ старыми удѣльными формами. Было время, когда вся земля принадлежала князю, когда бояре и слуги княжескіе, не имѣя поземельной собственности, владѣли и пользовались только тѣмъ, что давалъ князь и столько времени, сколько князю было угодно; мы видѣли, что по Русской Правдѣ наслѣдникомъ послѣ лицъ, не имѣвшихъ сыновей, былъ князь, и только въ пользу дочерей бояръ и княжескихъ дружинниковъ было сдѣлао исключеніе изъ этого строгаго правила. Съ тѣхъ поръ многое совершенно измѣнилось: въ высшихъ служилыхъ классахъ появилось наслѣдственное поземельное владѣніе; возникло сознаніе родовой знатности, а съ тѣмъ вмѣстѣ и юридической связи между членами каждаго рода, юридическихъ отношеній между ними. Естественнымъ послѣдствіемъ этого было расширеніе чрезвычайно тѣснаго круга лицъ, призываемыхъ Русскою Правдою къ наслѣдству. По самому существу дѣла, въ этотъ кругъ должны были, мало по малу, войти всѣ члены рода, какъ бы далеко они не отстояли отъ умершаго. Всего этого пре-

бовала внутренняя логика вещей. И действительно, Судебникъ великаго князя Ивана Васильевича, какъ сказано выше, призываетъ къ наслѣдству не только сыновей и дочерей, но и ближайшихъ боковыхъ родственниковъ, т. е., судя по аналогіи, родныхъ братьевъ и сестеръ, а Судебникъ Ивана Васильевича IV идетъ еще далѣе, и включаетъ въ число законныхъ наслѣдниковъ внуковъ; съ тѣмъ вмѣстѣ въ кругъ ближайшихъ боковыхъ родственниковъ, призываемыхъ къ наслѣдству вѣроятно вошли дяди и тетки, двоюродные братья и сестры, племянники и племянницы. При дальнѣйшемъ развитіи въ томъ же направленіи, кругъ родственниковъ, призываемыхъ къ наслѣдованію, долженъ былъ все болѣе и болѣе расширяться, а права наслѣдованія великаго князя стѣсняться, и наконецъ стать исключеніемъ, а не правиломъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ потомственное поземельное владѣніе фактически дѣлалось неотъемлемымъ въ служебныхъ родахъ, получало вполнѣ частный, гражданскій характеръ. Но именно этого-то и не хотѣлъ Грозный. Въ поземельной самостоятельности служебныхъ родовъ, изъ которыхъ многіе были княжескаго происхожденія и считались въ тайнѣ старшинствомъ съ московскими государями, онъ видѣлъ или подозрѣвалъ опасность для своей власти, для будущности своей династіи, и потому всячески старался поддержать начало, что собственникъ земли одинъ только московскій государь, а всѣ прочіе владѣютъ ею на не полномъ правѣ, по его милости, временно, въ предѣлахъ пожалованія, и потомъ владѣемая ими земля снова поступаетъ къ государю. Эти начала проводятся въ нѣсколькихъ постановленіяхъ, изданныхъ много лѣтъ спустя послѣ Судебника и съ особенною рѣзкостью примѣняются къ бывшимъ удѣльнымъ княжескимъ родамъ, въ которыхъ мысль о поземельной независимости естественно коренилась глубже и поддерживалась преданіями. Изъ этихъ постановленій видно, что служилые князья, кажется еще со времянь великаго князя Василья Ивановича, не могли ни продавать, ни мѣнять, ни отдавать въ приданое своихъ старинныхъ вотчинъ; послѣ князей, не имѣвшихъ сыновей, въ этихъ вотчинахъ наслѣдуетъ государь. Тоже постановлено и относительно бояръ и дѣтей боярскихъ: если они умрутъ, не имѣя дѣтей и близкихъ родственниковъ, то послѣ нихъ наслѣдуетъ въ ихъ вотчинахъ государь, давая часть на прожитокъ женѣ. Относительно старинныхъ княжескихъ вотчинъ, данныхъ женѣ на прожитокъ, прямо сказано, что по смерти ея вотчины эти

доставляются государю; тоже, без сомнѣнія, было и съ прожиточными вотчинами женъ бездѣтныхъ бояръ и дѣтей боярскихъ.

Если мысль, что вотчина не крѣпка роду, примѣнена такъ строго къ стариннымъ, т. е. наследственнымъ вотчинамъ, то тѣмъ съ большею силою она должна бы примѣниться къ вотчинамъ, пожалованнымъ отъ государей. Въ 1573 году опредѣлено, что пожалованная вотчина наследуется или не наследуется дѣтьми и родными умершаго, смотря потому, какъ пожалована, самому ли только пожалованному, или вмѣстѣ его дѣтямъ, женѣ, роду. У кого вовсе нѣтъ жалованной грамоты, того вотчина по смерти его берется на государя. Во всякомъ случаѣ, далѣе внучатныхъ (4-й степени) какъ въ нисходящей, такъ и въ боковыхъ линияхъ вотчина не могла переходить по наследству и за тѣмъ отбиралась на государя.

Таковы были мѣры, принятыя царемъ Иваномъ Васильевичемъ съ цѣлю остановить естественное развитіе вотчинныхъ элементовъ въ княжескихъ и служилыхъ родахъ. Но не смотря на энергію, съ которой онъ стремился къ этой цѣли, ему не удалось осуществить ее. Поставленная исторіею начала развивались неудержимо. Вскорѣ послѣ смуть и воцаренія династїи Романовыхъ, вотчинное владѣніе служилыхъ родовъ утвердилось, и съ тѣхъ поръ упрочивалось все болѣе и болѣе. Смѣшанный характеръ государственной и частной собственности постепенно въ немъ исчезаетъ и все рѣзче проступаютъ впередъ отдѣльныя черты частной, поземельной собственности. Даже помѣстья, раздававшіяся служилымъ людямъ въ видѣ жалованья за службу и чтобъ доставить имъ средства отправлять ее, къ концу XVII вѣка получаютъ вотчинный характеръ и въ началѣ XVIII вѣка смѣшиваются съ вотчинами.

Такимъ образомъ вопросъ о поземельныхъ правахъ служилыхъ родовъ московскаго государства игралъ въ XVII вѣкѣ весьма важную роль. Этимъ объясняется, почему наше законодательство того времени такъ тщательно опредѣляетъ порядокъ наследованія въ земляхъ, которыми владѣли служилые классы. Онъ устанавливается подъ вліяніемъ греко-римскаго права. Если мы замѣчаемъ въ законодательной дѣятельности того времени большую шаткость и сбивчивость началъ, и безпрестанныя колебанія, то это должно приписать столько же необразованности тогдашнихъ юристовъ-практиковъ, сколько новости, неразвитости самаго предмета. Предметъ дѣйствительно былъ новый,

потому что предыдущая исторія только подготовила условія для новаго порядка дѣлъ, сгруппировала элементы, но не высказала началъ, не разрѣшила вопросовъ, которые возникали во множествѣ изъ новыхъ условий быта.

Разсмотримъ эти вопросы. Они облегчатъ обзоръ запутаннаго законодательства XVII вѣка относительно порядка законнаго наслѣдованія.

Прежде всего необходимо было установить юридически взаимныя отношенія членовъ рода, чтобъ опредѣлить, которые изъ нихъ имѣли ближайшее право на наслѣдованіе въ каждомъ данномъ случаѣ. По этому поводу вырабатывается юридическое понятіе о родѣ, о линіяхъ и степеняхъ родства. Выше было сказано, что эти вопросы уже были возбуждены по поводу отношеній между владѣтельными князьями Рюриковой династіи; но разрѣшеніе, которое они тогда получили, очевидно не могло быть примѣнено вполнѣ къ служилымъ классамъ московскаго государства, по различному значенію наслѣдованія въ княжескихъ территоріальныхъ правахъ и въ частныхъ поземельныхъ владѣніяхъ.

Далѣе: до XVII вѣка, мы видимъ лишь одни зачатки юридической личности женщины и права ея наслѣдовать. Когда же наслѣдованіе стало приурочиваться къ лицамъ, а не къ хозяйству и дому, вопросъ о юридическомъ отношеніи женщины къ роду, къ которому она принадлежала по рожденію и къ тому, въ которой она вступила чрезъ бракъ и о вытекавшихъ для нея отсюда правахъ наслѣдованія, долженъ былъ возбудиться и потребовать опредѣлительнаго разрѣшенія.

Потомъ: уже при Грозномъ образовались разные виды вотчиннаго владѣнія. Къ каждому изъ нихъ должно было примѣнить порядокъ законнаго наслѣдованія, соображаясь съ его особенностями, а вмѣстѣ съ тѣмъ и точнѣе опредѣлить эти особенности.

Наконецъ, по мѣрѣ приближенія помѣстьевъ къ вотчинамъ, переходъ ихъ отъ однихъ лицъ къ другимъ по наслѣдованію долженъ былъ постепенно измѣняться и склоняться все болѣе и болѣе къ порядку законнаго наслѣдованія. Это также вызвало многія законодательныя постановленія.

Въ разрѣшеніе всѣхъ означенныхъ вопросовъ развилась въ московскомъ государствѣ, въ XVII вѣкѣ, обширная юридическая казуистика. Очень рѣдко встрѣчаются въ ней общія поло-

женія и правила; обыкновенно мысль и взгляд законодателя приходится выводить из рѣшенія частныхъ случаевъ. Это не должно удивлять насъ, особливо когда вспомнимъ, что еще гораздо позднѣе наше законодательство сохранило тотъ же казуистическій характеръ.

Бросимъ бѣглый взглядъ на главнѣйшія разрѣшенія означенныхъ вопросовъ въ теченіе XVII вѣка, до важнаго преобразованія порядка законнаго наслѣдованія при Петрѣ Великомъ.

Въ XVII вѣкѣ *кругъ родства*, которое допускалось къ законному наслѣдованію, расширился болѣе и болѣе и къ концу столѣтія, кажется, ничѣмъ болѣе не ограничивался; но близость родства опредѣлялась особенными правилами, не согласными съ теперешними нашими понятіями. Теперь признается безусловное преимущество нисходящихъ передъ боковыми родственниками. Въ XVI и XVII вѣкѣ это начало не было, кажется, признаваемо такъ безусловно. Многія данныя заставляютъ предполагать, что боковые родственники и нисходящіе считались равно близкими въ извѣстныхъ степеняхъ, и потому могли быть случаи, когда боковые даже предпочитались нисходящимъ. Чѣмъ объяснить эту особенность? Была ли она въ связи съ смутнымъ воспоминаніемъ о родовомъ началѣ, по которому старшинство опредѣлялось близостью къ родоначальнику? или же это явленіе новое, образовавшееся подъ вліяніемъ каноническаго права, на основаніи котораго близость родства съ нисходящими и боковыми одинаково опредѣляется числомъ степеней или рожденій? Последнее вѣроятнѣе, потому что царь Иванъ Васильевичъ, сопротивляясь наслѣдованію родственниковъ, не рѣшался совершенно запретить его въ тѣхъ степеняхъ, въ которыхъ бракъ не былъ дозволенъ. Какъ бы то ни было, по этимъ отсутствіемъ безусловнаго преимущества нисходящихъ предъ боковыми родственниками объясняется, можетъ быть, почему права нисходящихъ на наслѣдованіе расширялись въ извѣстной постепенности. По Русской Правдѣ наслѣдуютъ только сыновья и дочери; по великокняжескому Судебнику изъ нисходящихъ — только сыновья и дочери и ближайшіе боковые родственники; по царскому Судебнику къ нисходящимъ прибавлены внуки; внучатныхъ Грозный не допускалъ къ наслѣдованію. Послѣ прекращенія Рюриковой династіи, при Шуйскомъ и даже въ началѣ царствованія Михаила Феодоровича, жалованныя грамоты на вотчины все продолжали писаться только на имя пожалованнаго, его дѣтей и

внучать и лишь впоследствии прибавлены къ нимъ правнуки и весь родъ, безъ ограниченія какою либо степенью. Такимъ образомъ, на фактъ по крайней мѣрѣ, преимущество нисходящей линіи передъ боковыми признано окончательно.

Преимущество ближайшихъ боковыхъ линій передъ болѣе отдаленными тоже выработалось въ теченіи XVII вѣка. Еще въ 1650 году, близость родства опредѣлялась общими выраженіями: «кто ближе того рода; а будетъ ближе того рода никто не будетъ.... отдавать и дальнимъ того рода родственникамъ.» Но какъ смутны были въ то время понятія о взаимныхъ отношеніяхъ боковыхъ родственниковъ видно изъ тогдашней сбивчивой терминологіи. Въ новоуказныхъ статьяхъ 1676 года упоминаются «дядья и братья двоюродные, въ другомъ, и въ третьемъ, и въ четвертомъ колѣнѣ.»

Камнемъ преткновенія для юриспруденціи этой эпохи были: право представленія и поколѣнный раздѣлъ наслѣдства. Въ этомъ отношеніи нельзя даже замѣтить никакой послѣдовательности развитія, потому что не рѣдко предыдущій указъ гораздо правильнѣе рѣшаетъ вопросъ, чѣмъ послѣдующій. Очевидно все зависѣло отъ степени юридическаго пониманія должностныхъ лицъ. Такъ въ 1634 году постановлено, что дочь умершаго, внука отъ другой дочери, уже умершей и внуки и внучки отъ третьей дочери, равнымъ образомъ умершей, наслѣдуютъ всѣ вмѣстѣ и дѣлятъ наслѣдство на три равныя части. Но не всѣ послѣдующія узаконенія также правильно разрѣшаютъ подобные случаи. Въ 1676 году принято, что братья умершаго, находящіеся въ живыхъ, исключаютъ отъ наслѣдованія своихъ племянниковъ и племянницъ отъ умершихъ братьевъ. Въ томъ же году, вопреки началу, что сестра при братѣ не наслѣдуетъ, постановлено, что если послѣ умершаго останутся дочери и внуки мужескаго пола отъ прежде умершихъ сыновей, то тетки дѣлятъ наслѣдство съ племянниками пополамъ. Между такими понятіями и правомъ представленія замѣтно постоянное колебаніе, — ясное доказательство, что наши юристы XVII вѣка не овладѣли вполне началомъ и потому безпрестанно на немъ сбивались.

Источникомъ безчисленныхъ запутанностей въ нашемъ законодательствѣ XVII вѣка, было право наслѣдованія лицъ женскаго пола. Дочь наслѣдуетъ когда нѣтъ сына—вотъ начало, поставленное еще Русскою Правдою; иначе сказать, мужскимъ поломъ женскій отстранялся отъ наслѣдованія. Вообще не твер-

дые въ примѣненіи права представленія, наши юристы XVII вѣка еще болѣе путались, когда между наслѣдниками находились лица женскаго пола, и надо было опредѣлить въ какихъ именно предѣлахъ слѣдуетъ примѣнять въ этихъ случаяхъ преимущество мужчинъ передъ женщинами? Такъ въ 1650, 1676 и 1677 годахъ принято за правило, что одно лишь мужское потомство братьевъ устраняетъ отъ наслѣдства ихъ сестеръ; если же послѣ братьевъ останется только женское потомство, то вмѣстѣ съ нимъ призываются къ наслѣдству и сестры умершихъ. Здѣсь право представленія ограничено и искажено вслѣдствіе того, что женщина не имѣетъ однихъ правъ наслѣдованія съ мужчинами. Изъ приведеннаго правила вывели также въ одномъ законѣ 1676 года, что внучки отъ сыновей не наслѣдуютъ вмѣстѣ съ другими сыновьями, т. е. что дочь вовсе не имѣетъ права представленія; въ 1677 году, — что сыновья одного брата устраняютъ отъ наслѣдства дочерей другаго. Такія положенія очень часто отмѣнялись болѣе правильными и вслѣдъ за тѣмъ опять возстановлялись. Эти колебанія обусловливались съ одной стороны началомъ представленія, а съ другой — старою мыслью, хотя можетъ быть и не въ полнѣ ясно сознаваемою, что представители рода суть мужчины, а женщины предназначены перейти въ другой родъ; по этому, пока въ родѣ есть мужчины они должны наслѣдовать преимущественно передъ женщинами. Эта мысль выразилась даже въ царствованіе Петра Великаго, который въ 1712 году постановилъ, что по смерти послѣдняго въ родѣ недвижимыя его имѣнія могутъ быть отдаваемы родственникамъ его по женскому колѣну не далѣе внучатныхъ. Но эта мысль, нарушенная правомъ наслѣдованія дочерей, не была строго проведена. Уже ограниченіе въ наслѣдованіи родовыхъ имуществъ по женской линіи внучатыми доказываетъ, что до известной степени родства не только женщины, но и потомство ихъ считались принадлежащими къ роду, изъ котораго произошли. Впрочемъ на это есть еще болѣе сильныя доказательства изъ законодательства XVII вѣка. Именно въ 1627 году признано за правило, что въ родовыхъ и выслуженныхъ вотчинахъ наслѣдуютъ не только незамужнія дочери, но и замужнія, и при томъ послѣднія не исключаются первыми, а напротивъ тѣ и другія наслѣдуютъ вмѣстѣ. Этимъ косвенно выражается мысль, что женщины получаютъ наслѣдство не въ видѣ приданаго и не тогда только, когда не перешли въ другой родъ, а на пол-

номъ наслѣдственномъ правѣ, оставаясь членами рода и по выходѣ въ замужество, только уступая первенство мужчинамъ. Но когда женщина исключалась къмъ бы то ни было изъ правъ наслѣдованія, на отстраняющемъ ее отъ наслѣдства лежала обязанность кормить и содержать ее до смерти, или до вступленія ея въ монастырь; въ случаѣ же выхода за мужъ, дать ей приданое. Въ этомъ отношеніи все оставалось сначала по старому, пока помѣстная система косвеннымъ образомъ не дала женщинѣ болѣе независимое и прочное гражданское и общественное положеніе.

О положеніи бездѣтной вдовы въ домосковской Россіи уже было сказано выше. Оторванная отъ семьи, въ которой родилась, ничѣмъ ни связанная съ тою, къ которой принадлежалъ ея мужъ, она собственно не имѣла никакого положенія, и по необходимости или вступала въ новый бракъ, или шла въ монастырь. Естественно, что мужъ старался еще при жизни своей обеспечить судьбу жены и тѣмъ дать ей твердую матеріальную основу на случай своей смерти. Очень рано оказалась необходимость точно также обеспечить и вдову, оставшуюся съ дѣтьми, чтобъ она не зависѣла отъ послѣднихъ, когда они придутъ въ возрастъ. Тѣ же понятія перешли и въ законодательство XVII вѣка и опредѣлили порядокъ законнаго наслѣдованія жены послѣ мужа. Относительно наслѣдованія ея въ движимомъ рано приняты начала греко-римскаго права, вошедшія въ составъ Кормчей: изъ него жена получаетъ послѣ мужа четвертую часть. По началу взаимности, и мужъ получаетъ послѣ жены четвертую часть изъ ея движимаго имущества. Но рѣшить вопросъ о наслѣдованіи жены въ недвижимомъ имѣніи мужа было гораздо труднѣе. Вдова, послѣ смерти мужа, должна быть обеспечена изъ его имѣнія, — это начало никогда не оспаривалось. Но какъ именно? Здѣсь-то возникали разныя сомнѣнія. Съ начала не было и вопроса о томъ, принадлежитъ ли жена чрезъ супружество къ роду мужа, или по рожденію къ тому, изъ котораго шла замужъ. По этому жена обеспечивалась безразлично тѣмъ или другимъ имѣніемъ покойнаго своего мужа. Но впоследствии стало выясняться, что жена, несмотря на замужество, остается членомъ своего рода по рожденію, что бракъ не дѣлаетъ ее членомъ другаго рода, и тогда (1628 или 1629 г.) оказалось невозможнымъ дать вдовѣ право наслѣдованія въ родовыхъ имѣніяхъ ея супруга, а только въ купленныхъ,

потому что они были приобретены самим мужем и при томъ могли быть вдобавокъ куплены на женщины приданныя деньги; могло также случиться, что мужъ прожилъ приданое жены, и купленную его вотчину слѣдовало и безъ того предоставить женѣ въ видѣ вознагражденія. Вѣроятно эти соображенія побудили узаконить за женою право исключительнаго наслѣдованія въ купленныхъ вотчинахъ мужа; но вскорѣ оказалось однако, что и это право не можетъ быть принято безусловно. Съ нимъ должно было, въ извѣстныхъ случаяхъ, приходиться въ столкновение право наслѣдованія лицъ, принадлежащихъ къ роду мужа, на примѣръ, когда послѣдній былъ женатъ два или три раза, и имѣлъ дѣтей отъ первыхъ браковъ, или даже былъ женатъ одинъ разъ и оставилъ дѣтей. Кому дать преимущество въ такомъ случаѣ? должны ли купленные его вотчины достаться пережившей его женѣ, а родныя его дѣти не получить изъ нихъ ничего? Наконецъ, положимъ, что послѣ умершаго не осталось дѣтей. Получивъ купленные вотчины мужа послѣ его смерти, вдова его, какъ членъ чужаго рода, переноситъ права на нихъ въ свой родъ, къ своимъ родственникамъ. Но справедливо ли это? Понятно, что мать передаетъ вотчины своего рода своимъ дѣтямъ, то есть въ чужой родъ; это достаточно объясняется кровною связью дѣтей съ родителями; но какъ оправдать переносъ имѣннй изъ одного рода въ другой посредствомъ брака, и именно тогда, когда брачный союзъ, смертью мужа, разрушился? Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ уяснялось, что жена принадлежитъ къ роду своихъ родителей, а не къ роду мужа, права наслѣдованія ея въ вотчинахъ мужа все болѣе и болѣе ограничивались. Въ 1627 году постановлено, что жены не наслѣдуютъ въ родовыхъ и выслуженныхъ вотчинахъ мужа. По Уложенію это ограниченіе распространено на земли, купленные мужемъ изъ помѣстья въ вотчину; самыя вотчины, купленные изъ чужихъ родовъ, когда послѣ умершаго оставались дѣти отъ прежнихъ браковъ и отъ послѣдняго, и никакихъ другихъ вотчинъ и помѣстій у него не было, не доставались исключительно его женѣ, а дѣлились между вдовою и всѣми дѣтьми по жеребьямъ. Въ 1676 г. это правило расширено и на тѣ случаи, когда у дѣтей есть свои вотчины, другими словами, положительно признаны ихъ права наслѣдованія въ купленныхъ вотчинахъ отца вмѣстѣ съ матерью. Въ томъ же 1676 и въ 1683 годахъ принято, что послѣ бездѣтной жены купленные вотчи-

ны ея мужа, доставшіяся ей по порядку законнаго наслѣдованія, переходятъ послѣ ея смерти къ родственникамъ ея мужа, а не къ ея роднымъ.

Стремленіе законодательства ограничить кругъ недвижимыхъ имѣній, переходящихъ къ женѣ послѣ мужа на правѣ собственности и въ то же время необходимость обеспечить вдову въ ея существованіи, повели къ образованію особой формы наслѣдованія жены въ имѣніяхъ мужа — именно къ пожизненному ими владѣнію и пользованію. Когда нечѣмъ было обеспечить содержаніе бездѣтной вдовы, потому что у покойнаго ея мужа не было ни купленныхъ отъ чужеродцевъ вотчинъ, ни помѣстьевъ, разрѣшено, по Уложенію, давать ей на прожитокъ даже изъ выслуженныхъ вотчинъ, но съ тѣмъ, чтобы она ихъ не продавала, не закладывала, не отдавала по душѣ и не брала въ приданое; послѣ ея смерти, новаго замужества или постриженія, эти прожиточныя вотчины отдавались въ родъ мужа; въ 1676 году, это правило распространено и на вдовъ, имѣвшихъ дѣтей. На тѣхъ же основаніяхъ, и вѣроятно въ тѣхъ же случаяхъ, Уложеніе предписываетъ отдачу въ прожитокъ бездѣтной вдовѣ земель купленныхъ ея покойнымъ мужемъ изъ помѣстья въ вотчину, а новоуказныя статьи 1676 года — половину бывшаго ея прожиточнаго помѣстья, съ которымъ она вышла замужъ и которое мужъ ея купилъ за службу въ вотчину. Затѣмъ только половина этого рода вотчинъ, а также вотчинъ купленныхъ отъ чужеродцевъ, обращались въ полную собственность вдовъ, то есть съ правомъ продать, заложить, уступить и отдать по душѣ.

Кромѣ разнаго рода вотчинъ существовали еще въ древней Россіи *помѣстныя земли*. Въ строгомъ смыслѣ, къ нимъ начала наслѣдованія не могли имѣть никакого примѣненія. Помѣстья раздавались служилымъ людямъ для того, чтобъ они могли отправлять съ нихъ службу, вмѣсто жалованья; давались они въ различныхъ размѣрахъ, смотря по чину или служебному разряду. Отсюда прямо слѣдовало, что только тотъ можетъ имѣть помѣстье, кто служить, то есть совершеннолѣтнее лицо мужескаго пола, годное для службы, а не женщина; сынъ могъ имѣть помѣстье, а отецъ не имѣть; или оба могли имѣть помѣстья въ одно время, и притомъ сынъ помѣстье бѣльшаго размѣра, чѣмъ отецъ, потому что служебнымъ разрядомъ или чиномъ, а не чѣмъ либо другимъ опредѣлялась величина помѣстья. Конечно, сынъ могъ получить помѣстье отца, послѣ его смерти, но это за-

висѣло отъ многихъ стороннихъ условій и случайныхъ обстоятельствъ, и ни мало не вытекало изъ началъ помѣстнаго права. Если сынъ становился годенъ для службы именно въ то время, когда отецъ умиралъ, и если служебный разрядъ, въ который онъ поступалъ былъ тотъ же самый, въ какомъ состоялъ отецъ, то, конечно, сынъ могъ получить помѣстье отца. Но если у отца было нѣсколько сыновей, то въ этомъ случаѣ тотчасъ же оказывалось, что преемство въ помѣстьи не было наследованіемъ, потому что наследство дѣлилось между дѣтьми, а помѣстье могло поступать отъ отца нераздѣльно къ одному изъ его сыновей, прочіе же получали другія помѣстья.

Таково было помѣстное владѣніе по своимъ началамъ. Сколько можно судить по оставшимся памятникамъ, эти начала примѣнялись довольно строго еще при Іоаннѣ IV; но съ XVII вѣка, въ которомъ вотчинный элементъ получилъ такое обширное развитіе, онъ сталъ мало-по-малу проникать и въ помѣстную систему. Къ этому были двѣ особенно важныя побудительныя причины: во первыхъ, въ то время, когда родственныя связи были такъ крѣпки въ обычаяхъ, когда такъ дорожили отеческимъ наследіемъ, роднымъ пепелищемъ, весьма было естественно, что сынъ всячески старался оставить за собою родительское помѣстье, гдѣ отецъ его имѣлъ осѣдлость, домъ и хозяйство. Съ этими естественными стремленіями совпадали и виды тогдашняго правительства. Оно точно также смотрѣло на отношенія дѣтей къ родителямъ; сверхъ того, во всѣхъ его распоряженіяхъ видно желаніе противодѣйствовать бродячеству, перемѣнѣ мѣста, желаніе прикрѣпить каждаго къ землѣ и къ извѣстной мѣстности потомственно; во вторыхъ, помѣщикъ, умирая, не рѣдко оставлялъ малолѣтнихъ дѣтей, жену, дочерей и другихъ родственниковъ, бывшихъ на его попеченіи. Если послѣ него оставались вотчины, или, если у этихъ лицъ было свое собственное имущество, то конечно участь ихъ была обеспечена. Но гораздо чаще случалось, что единственнымъ средствомъ существованія для цѣлаго семейства были доходы отъ помѣстья, и когда владѣлецъ его умиралъ, семейство его съ потерю помѣстья оставалось безъ крова и пищи. Какъ было поступить въ такомъ случаѣ? Оставить эти лица на произволъ судьбы было невозможно, несправедливо и противно тогдашнимъ понятіямъ. Оставалось обеспечить существованіе этихъ лицъ, оставляя имъ помѣстья умершаго, до тѣхъ поръ, пока они не будутъ въ нихъ болѣе ну-

ждать, а именно: сыновьямъ, пока они будутъ въ состояніи служить, вдовѣ, дочерямъ и другимъ родственницамъ — до ихъ смерти, замужества или вступленія въ монастырь.

Такимъ образомъ, къ помѣстьямъ стали косвенно примѣняться нѣкоторыя начала наследованія. Раньше всѣхъ другихъ установилось правило, что сынъ не только получаетъ преимущественно предъ всѣми другими помѣстье отца, но даже обязанъ удержать его за собою, предпочтительно предъ всѣми прочими помѣстьями. Съ 1611 года, жена и дѣти, несовершеннолѣтніе сыновья и дочери помѣщиковъ получаютъ помѣстья своихъ мужей и отцовъ для обеспеченія ихъ существованія (въ прожитокъ). Этой привилегіей могли сначала пользоваться только семейства тѣхъ, которые были убиты или умерли на войнѣ, взяты въ плѣнъ, или пропали безъ вѣсти. Слѣдовательно это было не общее правило, а исключеніе. Но потомъ стали оставлять помѣстья отцовъ малолѣтнимъ ихъ дѣтямъ и давать въ прожитокъ вдовамъ и дочерямъ изъ помѣстій ихъ мужей и отцовъ, не различая, умерли они на войнѣ или у себя дома.

Величина прожиточнаго помѣстья опредѣлялась сперва по каждому особому случаю волею Государя; потомъ по бывшимъ примѣрамъ; наконецъ, въ Уложеніи находимъ общее правило, что вдова получаетъ на прожитокъ 20, 15 или 10 четвертей изо-ста или $\frac{1}{5}$ -ю, $\frac{3}{20}$ -хъ или $\frac{1}{10}$ -ю часть помѣстья покойнаго мужа, смотря по тому убитъ онъ, или умеръ въ походѣ, или же умеръ у себя дома. Дочь получала въ прожитокъ вдвое менѣе противъ матери — 10, $7\frac{1}{2}$ и 5 четвертей изо-ста, или $\frac{1}{10}$ -ю, $\frac{1}{15}$ -ю, $\frac{1}{20}$ -ю часть отцовскаго помѣстья. Если же у умершаго не было помѣстья, то вдовѣ его и дочерямъ отводились слѣдующія имъ части изъ другихъ помѣстій. За тѣмъ сыновья, достигнувъ совершеннолѣтія и поспѣвъ въ службу, получали изъ отцовскихъ помѣстievъ сколько имъ слѣдовало по окладу, а вдовы и дочери пользовались своими прожиточными помѣстьями до смерти, постриженія въ монашество или до замужества. Въ послѣднемъ случаѣ ихъ прожиточныя помѣстья записывались за ихъ мужьями, а послѣ смерти послѣднихъ возвращались снова ихъ бывшимъ владѣльцамъ.

Проникнувъ однажды въ помѣстную систему, начало наследованія должно было, по естественному ходу вещей, усиливаться въ немъ болѣе и болѣе. Этому, независимо отъ понятій того времени и другихъ обстоятельствъ, много должна была способствовать

чрезвычайная запутанность, проистекавшая изъ смѣшенія служебнаго, государственнаго характера помѣстій съ частными, семейными цѣлями и удобствами ихъ временныхъ владѣльцевъ. Еслибъ помѣстья сохранили чисто государственный характеръ, то они оставались бы въ первоначальномъ своемъ составѣ, безъ измѣненій, и отводились бы служилымъ людямъ, смотря по ихъ чину и окладу. Подобный примѣръ представляютъ имѣнія, владѣніе которыми было соединено съ извѣстными должностями въ прежней Малороссіи и въ западной Россіи; такъ-вы и теперь земли, предоставляемыя во владѣніе офицерскимъ чинамъ казачьихъ войскъ или въ приходахъ церковному ихъ причту. Но помѣстья московскаго государства не имѣли такого постояннаго состава. Они переходили наследственно отъ отца къ дѣтямъ, служили къ обеспеченію содержанія не только вдовъ и дочерей, но, какъ показываютъ частые примѣры — матерей и сестеръ, и потому дробились, соединялись и опять дробились самымъ пестрымъ образомъ, потому что правительствомъ всячески старалось удержать при этомъ началу, что помѣщики и члены ихъ семействъ получаютъ помѣстья лишь въ опредѣленномъ закономъ размѣрѣ, ни болѣе ни менѣе.

Провести оба эти начала скоро оказало на практикѣ рѣшительно невозможнымъ, и законодательство стало постепенно отступать отъ помѣстнаго начала въ пользу вотчиннаго, сперва въ рѣшеніяхъ по отдѣльнымъ случаямъ, которые потомъ обратились въ общее правило. Уже въ Уложеніи подмосковныя помѣстья велѣно оставлять за дѣтьми умершихъ независимо отъ помѣстныхъ окладовъ. Изъ одного указа 1669 года мы узнаемъ, что вдовѣ иногда отдавалось все помѣстье мужа съ переходными четвертями, то есть, больше, чѣмъ сколько ей слѣдовало по окладу мужа. По новоуказнымъ статьямъ 1676 года, мать, жена и сыновья помѣщика, оставившаго послѣ себя малыя помѣстныя дачи, дѣлятъ ихъ между собою по равнымъ частямъ, а дочери получаютъ изъ этихъ дачъ вдвое меньшія части, чѣмъ прочіе. Нѣкоторое время даже запрещено было додавать лицамъ женскаго пола изъ другихъ помѣстьевъ то количество, какое нужно было, чтобъ составить полное прожиточное помѣстье по окладу отца или мужа. Въ 1686 году правило, постановленное новоуказными статьями 1676 года, распространено и на тѣ случаи, когда послѣ помѣщика, у котораго были малыя помѣстныя дачи, останутся сыновья и вдова прежде-

умершаго сына. Далѣе завелся обычай давать помѣстья въ приданое по частному условію, а не по распоряженію правительства. Изъ этихъ помѣстій мужу, по смерти бездѣтной его жены, постановлено въ 1681 году выдѣлять четвертую часть. Такимъ образомъ, помѣстье получало въ этихъ случаяхъ совершенно частный характеръ; мало того: будучи уступлено въ замѣнъ приданого, оно разсматривалось какъ движимое, и потому-то мужу умершей жены выдѣлялась изъ него четвертая часть, какъ слѣдовала и женѣ изъ движимости покойнаго ея мужа. Также начали чаще и чаще оставлять за сыновьями, внуками и правнуками всѣ помѣстья ихъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ, не обращая вниманія на то, совершеннолѣтніе они или нѣтъ, имѣютъ или не имѣютъ свои помѣстья, достанется ли имъ вслѣдствіе этого больше помѣстьевъ, чѣмъ слѣдуетъ по окладу, или неостанется. Въ 1684 году 21 марта, эти изыятія обращены въ общее правило. Чрезъ это помѣстья видимымъ образомъ приблизились къ вотчинамъ, по крайней мѣрѣ порядокъ наследованія въ тѣхъ и другихъ относительно нисходящихъ мужескаго пола былъ совершенно уравненъ.

Постепенное сближеніе разныхъ видовъ вотчинъ и ихъ съ помѣстьями подготовило совершившееся при Петрѣ Великомъ слияніе вотчинныхъ и помѣстныхъ правъ въ одно общее право на недвижимыя имущества. Въ самомъ существѣ этихъ правъ лежали условія такого сближенія и оно необходимо отражалось и на порядкѣ наследованія. Но было бы весьма ошибочно думать, что чрезъ это право полной частной поземельной собственности уже съ этого времени водворилось въ Россіи. Такой выводъ предстоялъ неизбѣжно, но онъ, какъ сказано выше, былъ сдѣланъ гораздо поздиѣе, въ царствованіе императрицы Екатерины II. Въ XVII вѣкѣ и при Петрѣ Великомъ, сущность поземельныхъ правъ служилыхъ классовъ оставалась еще неопредѣленною. Правда, какъ мы видѣли, эти права все болѣе и болѣе принимали характеръ частный, гражданскій, что замѣтно не только въ сближеніи помѣстной и вотчинной системы, но и въ совершенномъ уравненіи правъ на выслуженныя и купленныя изъ помѣстьевъ вотчины съ родовыми; однако рядомъ съ тѣмъ удерживались еще многія черты, живо напоминавшія прежній государственный характеръ нашего вотчиннаго права. Отсюда объясняется отсутствіе строгаго различенія между помѣстьями и вотчинами, легкость, съ которою помѣстное право приняло

въ себя вотчинныя начала и подчинилось имъ. Въ понятіи современниковъ тотъ или другой способъ владѣнія землями опредѣлялся практическими удобствами, правительственными соображеніями; глубокое различіе юридическихъ началъ, лежащихъ въ основаніи помѣстной и вотчинной системы, не обращало на себя вниманія, потому что обѣ системы вытекали изъ одного источника — царскаго пожалованія, и отъ государя всегда зависѣло напомнить владѣльцу объ этомъ происхожденіи и вотчиннаго и помѣстнаго права. Изъ этихъ возрѣній, глубоко вкорененныхъ въ тогдашнее общество, вытекало право конфискаціи, и всѣ попытки, сдѣланныя послѣ низложенія съ престола династіи Годунова до окончательнаго утвержденія самодержавной власти дома Романовыхъ, для обезпеченія вотчинной собственности за ея владѣльцами, оказались безуспѣшными. Отъ того-то, въ XVII вѣкѣ, вотчинная и помѣстная система, несмотря на все ихъ различіе, дополняли одна другую. Вотчинники служили службу съ вотчинъ, какъ помѣщики съ помѣстьевъ; помѣстья давались тому, у кого не было вотчинъ; вдовы, дочери, родственницы, малолѣтныя дѣти умершихъ служилыхъ людей обезпечивались помѣстьями только въ такомъ случаѣ, когда у нихъ не было вотчинъ; за измѣну, даже за преступленія противъ службы, на государя отписывались какъ помѣстья, такъ и вотчины. По этому сліянію помѣстій съ вотчинами при Петрѣ Великомъ ни мало не измѣнило сущности или юридическаго начала поземельныхъ правъ въ Россіи. Она осталась прежняя. Доказательствомъ тому служатъ многочисленныя ограниченія, которымъ подверглись при немъ поземельныя владѣнія изъ видовъ финансовыхъ. Признавая полезнымъ для государства изъять какой нибудь предметъ изъ частной поземельной собственности, — рыбныя ловли, пчельники и бортныя ухажья, металлы и минералы, корабельные лѣса и проч., — онъ не задумывался тотчасъ же привести свою мысль въ исполненіе, до такой степени право государства на состоящія въ частномъ владѣніи земли казалось безспорнымъ. При такихъ понятіяхъ, уравненіе помѣстьевъ съ вотчинами совсѣмъ не имѣло того значенія, какое ему обыкновенно приписываютъ. Съ тѣхъ поръ, какъ военное устройство Россіи измѣнилось и заведено постоянное войско, до наборамъ и на жалованья, помѣстья стали ненужны для государства и правительство оставило ихъ во

властьни прежнихъ помѣщиковъ, не думая придавать этого рода имуществамъ характеръ полной частной собственности.

При такихъ-то условіяхъ изданъ Петромъ Великимъ, въ 1714 году, указъ о единонаслѣдіи, внезапно отмѣнившій весь прежній порядокъ наслѣдованія и замѣнившій его новымъ, на который до того времени не было и намека въ нашемъ частномъ быту и который примѣнялся только въ государственной сферѣ. Вездѣ маіораты выросли исторически, въ теченіе долгаго періода времени, на почвѣ феодализма и считались одной изъ важнѣйшихъ привилегій высшихъ классовъ, условіемъ и опорой ихъ политическаго значенія и могущества. У насъ не было ни одного изъ тѣхъ историческихъ данныхъ, которые упрочили это учрежденіе на европейской почвѣ. Оттого многіе недоумѣваютъ передъ этимъ нововведеніемъ и порицаютъ его, считая результатомъ легкомысленныхъ усилій, во чтобы-то ни стало, вопреки исторіи и народнымъ правамъ, усвоить намъ европейскія учрежденія. Но подобный упрекъ всего менѣе можетъ падать на Петра Великаго. Одаренный въ высокой степени практическимъ смысломъ, составляющимъ характеристическую черту великорусскаго племени, Петръ не могъ вводить къ намъ иностранныя учрежденія изъ пустой подражательности, изъ безотчетной любви къ иноземному. Во всемъ что онъ дѣлалъ видна цѣль, и цѣль весьма практическая. Многія иностранныя учрежденія нравились ему именно потому, что казались лучшимъ средствомъ для достиженія этихъ цѣлей; но по той же причинѣ, они на нашей почвѣ получали совершенно другой смыслъ и значеніе. Вводя у насъ маіораты, Петръ Великій ни мало не помышлялъ усвоить Россіи это установленіе вполнѣ, со всею его обстановкою. Онъ видѣлъ въ немъ государственную пользу, которой жертвовалъ всѣмъ, даже самимъ собою, и потому не задумался пересадить его въ Россію. Это до очевидности доказывается введеніемъ къ указу о единонаслѣдіи 1714 года 23 марта. «Раздѣленіемъ имѣнной послѣ отцовъ дѣтямъ недвижимыхъ, — говоритъ Петръ Великій — есть вредъ въ государствѣ нашемъ, какъ интересамъ государственнымъ, такъ и подданнымъ и самимъ фамиліямъ паденіе, а именно: 1) О *податяхъ*. Напримѣръ, ежели кто имѣлъ тысячу дворовъ и пять сыновъ—имѣлъ домъ довольной, трапезу славную, обхожденіе съ людьми ясное; когда по смерти его раздѣлится дѣтямъ его, то уже только по двѣсти дворовъ достанется, которые, помня славу отца своего и честь рода, не захотятъ сиротѣ жить, но

каждый ясно, (хотя и не такъ), то уже съ бѣдныхъ подданныхъ будетъ пять столовъ, а не одинъ, и двѣсти дворовъ принуждены будутъ едва не тожь нести, какъ тысяча несла, (а государственныя подати податями), отъ чего не разоренья-ль суть людямъ, и вредъ интересамъ государственнымъ? ибо податей такъ исправно не могутъ платить двѣсти дворовъ въ казну и помѣщику, какъ тысяча дворовъ, ибо (какъ выше писано) съ тысячи одинъ господинъ, (а не съ двусотъ дворовъ), который пятою долею доволенъ будетъ, а впрочемъ облегчить крестьянамъ, которые исправнѣе въ казну и господству подати платить могутъ. И тако отъ того раздѣленія казнѣ государственной великой есть вредъ, и людямъ подлымъ разореніе. II) О *фамиліяхъ*. А когда отъ тѣхъ пяти по два сына будутъ, то по сту дворовъ достанется, и тако далѣе умножаясь, въ такую бѣдность придуть, что сами однодворцами застать могутъ, и знатная фамилія, вмѣсто славы, поселяне будутъ, какъ уже много тѣхъ экземпелеровъ (образовъ) есть въ російскомъ народѣ. III) О *непотребности*. Сверхъ обѣихъ сихъ вредительныхъ дѣлъ, еще и сіе есть, что каждый, имѣя свой даровый хлѣбъ, хотя и малой, ны въ какую пользу государства безъ принужденія служить и простираться не будетъ, но ищетъ всякой уклониться и жить въ праздности, которая (по святому писанію) матерію есть всѣхъ злыхъ дѣлъ.

«*На противу жь того. На первую: ежели недвижимое будетъ всегда одному сыну, а прочимъ только движимое, то государственные доходы будутъ исправнѣе, ибо съ большаго всегда господинъ довольнѣе будетъ, хотя по малу возметъ, и одинъ домъ будетъ, а не пять, (какъ выше писано) и можетъ лучше льготить подданныхъ, а не разорять. На вторую: фамиліи не будутъ упадать, но въ своей ясности непоколебимы будутъ чрезъ славные и великіе дома. На третію: прочіе не будутъ праздны, ибо принуждены будутъ хлѣба своего нескать службою, ученіемъ, торгами и прочимъ. И то все, что оны едѣлаютъ вновь для своего пропитанія, государственная польза есть.»*

По этимъ соображеніямъ, Петръ Великій запретилъ продавать недвижимыя имущества. Съ этого времени они должны были непременно переходить или по духовному завѣщанію или по порядку законнаго наслѣдованія, къ одному лицу въ родѣ. Если нѣтъ завѣщанія, то недвижимое имѣніе достается старшему сыну, а движимое дѣлится между прочими сыновьями поровну; если нѣтъ сыновей, то наслѣдуютъ точно также дочери. Дѣти

единоутробные и единокровные наследуют на томъ же основаніи послѣ своихъ родителей. Если нѣтъ вовсе дѣтей, то все недвижимое имѣніе получаетъ одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ, а имѣющіе съ нимъ равныя права на наследованіе—движимое, по равнымъ частямъ. Послѣдній въ родѣ можетъ отдать все свое недвижимое имѣніе одной изъ своихъ родственницъ, съ тѣмъ, чтобъ мужъ ея принять его фамилію; если онъ этого не сдѣлаетъ, то все недвижимое имѣніе берется на государя, а движимое достается родственникамъ. Бездѣтная жена пользуется недвижимымъ имѣніемъ мужа по свою смерть или до постриженія въ монашество, а потомъ оно переходитъ въ родъ мужа, ея же недвижимое приданое въ ея родъ; движимое, по общимъ правиламъ наследованія въ этомъ имуществѣ, точно также переходитъ: мужнее — къ родственникамъ мужа, а женно — къ родственникамъ жены, по равнымъ частямъ. Если же вдова вступить въ новый бракъ, то все имѣніе остается у ней, за исключеніемъ недвижимаго ея перваго мужа, которое переходитъ въ его родъ.

Указъ 1714 года произвелъ коренной переворотъ въ прежнемъ нашемъ порядкѣ законнаго наследованія, такъ что между прошедшимъ и настоящимъ всякая связь была прервана. Но понятія и привычки, глубоко вкоренившіяся въ жизни втеченіи долгаго времени, не могли вдругъ переродиться. Уступивъ волѣ законодателя, онѣ косвенно и робко обнаружилась въ тѣхъ многочисленныхъ толкованіяхъ, которыя оказались необходимыми при практическомъ примѣненіи новыхъ началъ законнаго наследованія. Прежде всего родился вопросъ: какъ обеспечить существованіе вдовы, если у умершаго оставались дѣти? Въ законѣ 1714 года объ этомъ не было постановлено ни какихъ правилъ, а по общему смыслу его, супруги въ этомъ случаѣ не могли наследовать другъ послѣ друга. Въ 1716 году, право наследованія бездѣтныхъ супруговъ одного послѣ другаго было восстановлено и возведено въ общее правило: они получаютъ изъ всего имѣнія, движимаго и недвижимаго другаго супруга — четвертую часть въ вѣчное владѣніе. Это правило существенно различается отъ постановленій прежняго времени; прежде, какъ мы видѣли, оно относилось только къ движимому имуществу; для наследованія же въ недвижимомъ существовали различныя положенія, смотря по роду имущества. Притомъ главною ихъ побудительною причиною было обеспеченіе существованія вдовы, вслѣд-

ствіе чего эти правила больше относились къ женѣ, чѣмъ къ мужу и, строго говоря, даже не устанавливали права наслѣдованія между супругами въ недвижимомъ имуществѣ; но указъ 1716 года формально вводитъ его, руководствуясь въ опредѣленіи величины части греко-римскими законами, потому что съ отмѣною помѣстной системы не было на этотъ случай никакого другаго мѣрила. Позднѣе, въ 1725 году, право наслѣдованія супруговъ между собою распространено и на имѣющихъ дѣтей.

Такія же намеки на прежнія понятія встрѣчаемъ и въ нѣкоторыхъ другихъ поясненіяхъ закона Петра Великаго о единонаслѣдіи. Такъ, право представленія, не ясно сознаваемое въ XVII вѣкѣ, осталось не ясно понятымъ и въ началѣ XVIII. Младшему сыну умершаго давалось въ извѣстныхъ случаяхъ предпочтеніе по наслѣдованію въ недвижимыхъ передъ внукомъ отъ старшаго, дочери — передъ внукомъ отъ сына; дочери дѣвицы, хотя и младшія, исключали изъ наслѣдованія въ движимомъ и недвижимомъ имуществѣ старшую замужнюю; въ боковыхъ линіяхъ наслѣдство не идетъ далѣе внуковъ; о правнукахъ въ мужскихъ линіяхъ не говорится, а въ женскихъ линіяхъ они вообще отстраняются отъ наслѣдованія; мать вдова, если у мужа ея не было недвижимаго имѣнія, получаетъ на прожитокъ или въ собственность часть изъ имѣнія сына. Въ этихъ колебаніяхъ прежнія понятія удерживались сознательно или безсознательно, чему много способствовало то обстоятельство, что указомъ 1714 года прежніе законы, непротиворѣчившіе новому, не отмѣнялись.

Начало единонаслѣдія недолго пережило Петра Великаго. Оно противорѣчило понятіямъ и началамъ, выработавшимся вслѣдствіе долгаго историческаго развитія, и потому не могло удержаться въ той абсолютной, для всѣхъ обязательной формѣ, въ какой установлено указомъ 1714 года. Въ самой отдаленной старинѣ, предшествовавшей Судебникамъ, мы конечно находимъ и у насъ нѣчто похожее на маіораты въ неразлѣльности дома, хозяйства, къ которому пріурочивалось право наслѣдованія, независимо отъ лицъ; но давно уже воспоминаніе объ этомъ порядкѣ наслѣдованія исчезло въ высшихъ слояхъ общества, къ которымъ исключительно относился законъ 1714 года 23 марта. Съ началомъ личности, вкоренившимся въ служилыхъ классахъ, законъ Петра Великаго сталъ въ рѣзкое противорѣчіе. Объ этомъ есть любопытное свидѣтельство императрицы Анны Ивановны въ указѣ 1731 года, 17 марта: «Отцы, говоритъ она,

естественно сожалѣя своихъ дѣтей, всеми образы тщилися, не смотря ни на какіе свои убытки и разоренія, дѣлить дѣтей своихъ всѣхъ по равнымъ частямъ и крѣпили имъ то продажами и закладами чрезъ разныя руки, а которые того при себѣ учинить не могли, то другіе разныя способы къ тому искали и подвергали дѣтей своихъ подъ великія клятвы, чтобъ оставшее послѣ ихъ имѣніе, по смерти ихъ, равно между собою дѣлили, и тѣмъ какъ между дѣтьми, такъ и родственники, не точію ненависти и ссоры произошли, но нѣкоторые, отважа себя, и до смерти побывали». Очень можетъ быть также, и даже весьма вѣроятно, что законъ о единонаслѣдіи найденъ неудобнымъ вслѣдствіе соображеній политическихъ. По всемъ этимъ причинамъ, опоздѣнно императрицею Анною Ивановною, черезъ годъ по вступленіи ея на престолъ, и съ тѣхъ поръ устанавливалось для отдѣльныхъ фамилій лишь въ видѣ изыятія изъ общаго правила. Превжній порядокъ законнаго наслѣдованія возстановленъ на основаніи Уложенія и тѣхъ новоуказныхъ статей, которыя ему не противорѣчили. Но такое возстановленіе могло относиться только къ преемству, въ которомъ родственники призывались къ наслѣдованію, и къ правиламъ раздѣленія между ними наслѣдства; во всемъ остальномъ прежнія правила были непримѣнны, потому что помѣстная система уже не воскресала послѣ Петра, и Анна Ивановна вполнѣ подтвердила состоявшееся при немъ соединеніе и сравненіе помѣстій съ вотчинами. Это сдѣлало не обходимымъ обезпеченіе судьбы жены и дочерей, когда у нихъ не было собственнаго имѣнія, а между тѣмъ умершія оставляли послѣ себя законныхъ наслѣдниковъ и при жизни не обезпечили супругу и дочерей особымъ какимъ нибудь распоряженіемъ, потому что о прожиточныхъ помѣстьяхъ, съ обращеніемъ помѣстьевъ въ вотчины, не могло быть рѣчи. Для достиженія этой цѣли, императрица воспользовалась началами помѣстной системы, которая приготовила и фактически выработала право наслѣдованія женщинъ, но дала имъ только другой видъ, другой юридическій характеръ. Уже Петръ Великій распространилъ на недвижимыя имѣнія тотъ же порядокъ наслѣдованія между супругами, который существовалъ по греко-римскому праву и въ нашемъ законодательствѣ былъ принятъ только въ отношеніи къ движимымъ. Императрица Анна Ивановна примѣнила начала помѣстнаго права къ вотчинной системѣ, ставшей единственною формою частныхъ поземельныхъ правъ послѣ сравненія помѣстій

съ вотчинами, и вслѣдствіе того, тѣмъ же указомъ 1731 года 17 марта, постановила: 1) вдовѣ послѣ мужа выдѣлять въ полную собственность изъ его недвижимаго имущества 15 четвертей изъ ста, или почти сельскую ($6\frac{2}{3}$) часть. И такъ, изъ трехъ различныхъ количествъ четвертей, которыя получала вдова изъ помѣстнаго оклада мужа, принято Анною Ивановною среднее. Изъ движимаго имущества мужа опредѣлено выдѣлять женѣ, по Уложенію, четвертую часть. 2) Тоже право наслѣдованія получалъ и мужъ въ имуществѣ своей жены. Правило это очевидно взято изъ закона Петра Великаго 1716 года и изъ пояснительнаго къ нему закона 1725 года, по измѣненнымъ, относительно величины части изъ недвижимаго имѣнія, подъ вліяніемъ начала помѣстнаго права. 3) Дочь изъ недвижимыхъ имѣній отца, согласно съ началами помѣстной системы, должна получать, въ полную же собственность, вдвое менѣе матери, именно 7 съ половиною четвертей изъ ста, или слишкомъ тринадцатую часть ($13\frac{1}{3}$); изъ движимаго имущества отца тоже вполнину менѣе противъ матери, то есть восьмую часть. Такимъ образомъ, начала помѣстнаго наслѣдованія, относившіяся къ однимъ недвижимымъ имѣніямъ, распространены по аналогіи и на движимыя имущества.

На этомъ и остановилось историческое развитіе начала законнаго наслѣдованія въ нашемъ законодательствѣ. Всѣ послѣдующія постановленія, втеченіе болѣе столѣтій, не касаясь начала, только принаровняли ихъ къ практикѣ, поясняли, соглашала необходимыя и разпорѣчивыя ихъ послѣдствія, разрѣшали сомнительные случаи. Такъ, нисходящимъ по женскому колѣну предоставлено право наслѣдованія, за пресѣченіемъ мужскаго, безъ всякаго ограниченія какою либо степенью (1823 г.); точнымъ образомъ установлены понятія о родѣ, линіи, степени и способы опредѣленія по нимъ близости родства; послѣдовательно и ясно проведено право представленія; разнообразіе недвижимыхъ имуществъ заставило отмѣнить опредѣленіе наслѣдственной части супруговъ и дочерей четвертями (по столько-то изъ ста) и ввести, вмѣсто того, опредѣленіе ея долями, при чемъ для супруговъ принята круглая цифра семь (вмѣсто $6\frac{2}{3}$), а для дочерей четырнадцать (вмѣсто $13\frac{1}{3}$); опредѣлены права наслѣдованія единоутробныхъ и единокровныхъ братьевъ и сестеръ (1818 и 1836 г.) и т. п.

Въ настоящее время усилія законодательства вполне достигли своей цѣли. Сводъ Законовъ Гражданскихъ представляетъ о порядкѣ наслѣдованія по закону цѣлое округленное ученіе, которое хотя и построено на разнородныхъ началахъ, но въ практическомъ отношеніи возбуждаетъ мало сомнѣній и вопросовъ. Главныя его положенія суть слѣдующія :

Наслѣдованіе по закону имѣетъ мѣсто, когда умершій оставилъ по себѣ родовое имѣніе, о которомъ дозволяется дѣлать завѣщательныя распоряженія лишь въ видѣ изыятія, въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ; или когда послѣ умершаго осталось благопріобрѣтенное имущество, которымъ законъ дозволяетъ распорядиться по завѣщанію, но завѣщанія не сдѣлано; или наконецъ, когда завѣщательныя распоряженія умершимъ хотя и сдѣланы, но по суду признаны недействительными (Св. Зак. Граж. Т. X. Ч. 1, ст. 1,110).

Къ наслѣдованію по закону призываются, въ извѣстномъ порядкѣ и постепенности, всѣ безъ изыятія лица, соединенныя кровнымъ родствомъ съ умершимъ, какъ въ мужескомъ такъ и въ женскомъ поколѣніи (тамъ же ст. 1,111), безъ всякаго различія состояній (ст. 1,105) и пола, хотя бы эти лица и не носили одного имени или прозванія съ умершимъ, лишь бы только они происходили отъ одного общаго родоначальника (ст. 1,112). На этомъ основаніи, къ наслѣдованію допускаются и иностранцы, и дѣти еще не родившіяся, но зачатые при жизни отца, и лица имѣющія физическіе и умственные недостатки (тамъ же, ст. 1,106), и дѣти, сопричтенныя къ законнымъ по особымъ Высочайшимъ указамъ (ст. 1,119). Не призываются къ наслѣдованію по закону: лица, лишенныя всѣхъ правъ состоянія (ст. 1,107), постриженныя въ монашество (ст. 1,109), незаконнорожденные (ст. 1,113), свойственники (ст. 1,120). Усыновленные купцами призываются къ наслѣдованію послѣ своихъ усыновителей (ст. 151); усыновленные же дворянами наслѣдуютъ послѣ природныхъ своихъ родителей, а не послѣ усыновителей (ст. 149 и 1,119).

Итакъ, родство, и при томъ родство законное, есть главное основаніе права законнаго наслѣдованія. Кромѣ родственниковъ въ немъ участвуетъ и супругъ умершаго. Если же наслѣдниковъ нѣтъ, или они есть, но не предъявятъ своихъ правъ или откажутся отъ нихъ, то имущество умершаго становится выморочнымъ (ст. 1,162) и обращается въ государственную казну (ст.

1,167), а въ нѣкоторыхъ особенныхъ, закономъ опредѣленныхъ случаяхъ, въ то вѣдомство или общество, къ которому принадлежалъ умершій (ст. 1,168—1,183).

Лица, принадлежащія къ одному родству съ умершимъ, призываются послѣ него къ наслѣдству въ извѣстномъ порядкѣ, который зависитъ отъ близости родства. Кто по родству ближе, тотъ и имѣетъ преимущественное передъ другими право наслѣдовать. Близость родства считается по степенямъ и линіямъ (ст. 1,114). Степень есть связь одного лица съ другимъ посредствомъ рожденія; а непрерывная связь степеней есть линія (ст. 1,115); линіи бываютъ нисходящія, восходящія и боковыя; въ первыхъ двухъ родственники соединены между собою непрерывнымъ рядомъ степеней или рожденій. Вся разица состоитъ въ томъ, что когда счетъ ведется отъ даннаго лица внизъ къ его дѣтямъ, внукамъ и т. д. къ дальнѣйшему потомству, то линія называется нисходящею; когда же наоборотъ отъ даннаго лица вверхъ, къ его родителямъ, дѣдамъ и бабкамъ и т. д. то восходящею (ст. 201 и 202). Стало быть, линія нисходящая и линія восходящая есть одна и таже линія; но боковыя линіи суть линіи различныя, соединенныя между собою не непрерывною связью рожденій, а только общимъ родоначальникомъ. Чѣмъ ближе общій родоначальникъ, отъ котораго расходятся линіи, къ данному лицу, тѣмъ боковая линія къ нему ближе. На этомъ основаніи, линіи рхходящіяся отъ отца ближе тѣхъ, которыя идутъ отъ дѣда, а послѣднія ближе линій, расходящихся отъ прадѣда и т. д. (ст. 205 — 207 и 1,118). Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что для опредѣленія близости родства къ данному лицу нисходящихъ и восходящихъ родственниковъ высчитывается число степеней или рожденій отъ этого лица до того восходящаго или нисходящаго родственника, близость родства съ которымъ нужно опредѣлить; для опредѣленія же близости родства даннаго лица къ одному изъ его боковыхъ родственниковъ, высчитывается напередъ число степеней между нимъ и общимъ съ этимъ боковымъ его родственникомъ родоначальникомъ по восходящей линіи, а потомъ отъ этого родоначальника до боковаго родственника по нисходящей линіи (ст. 204).

Въ порядкѣ законнаго наслѣдованія, къ наслѣдству призываются цѣлыя линіи (ст. 1,121), и въ нихъ ближайшія степени предпочтительно передъ дальнѣйшими (ст. 1,122); но если одно изъ лицъ, принадлежащихъ къ ближайшей степени, не находитъ

ся въ живыхъ, то мѣсто его заступаютъ его дѣти и потомки обоюго пола (ст. 1,126) по праву представленія. Но и въ этомъ случаѣ ближайшія степени исключаютъ дальнѣйшія, то есть ближайшіе потомки представляемаго призываются къ наслѣдованію предпочтительно передъ дальнѣйшими, и только если нѣтъ въ живыхъ ближайшихъ, мѣсто ихъ заступаютъ дальнѣйшіе (ст. 1,123). Отсюда прямо слѣдуетъ, что право представленія можетъ имѣть мѣсто только въ линіяхъ нисходящихъ и боковыхъ, въ восходящей же не можетъ (ст. 1,124), потому что по восходящей линіи счетъ ведется не отъ предковъ къ потомкамъ, а на оборотъ, отъ потомковъ къ предкамъ, и потому въ восходящей линіи первые считаются ближайшими, а послѣдніе дальнѣйшими родственниками.—Право представленія имѣетъ важное значеніе въ порядкѣ законнаго наслѣдованія, въ двоякомъ отношеніи: во-первыхъ, оно даетъ право наслѣдованія дальнѣйшимъ родственникамъ наравнѣ съ ближайшими; во-вторыхъ, оно существенно видоизмѣняетъ правило о раздѣлѣ наслѣдства между наслѣдниками, а именно: по праву представленія всѣ заступающіе умершаго наслѣдника получаютъ вмѣстѣ ту самую часть, которую получилъ бы онъ самъ, еслибъ находился въ живыхъ (ст. 1,125) и слѣдовательно, если заступающихъ не одинъ, а нѣскольکو, то каждый изъ нихъ получитъ меньшую часть, чѣмъ какую получилъ бы самъ умершій наслѣдникъ.

Порядокъ, въ которомъ лица имѣющія право законнаго наслѣдованія призываются къ наслѣдству опредѣляется слѣдующими правилами: 1) Нисходящіе во всякомъ случаѣ и во всѣхъ степеняхъ родства предпочитаютъ боковымъ и восходящимъ родственникамъ (ст. 1,121 и 1,127); 2) изъ восходящихъ родственниковъ только отецъ и мать, въ видѣ изъятія, въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ, предпочитаютъ боковымъ родственникамъ (ст. 1,141 и 1,142); 3) супруга умершаго призывается къ наслѣдству въ извѣстной части, во всякомъ случаѣ, вмѣстѣ съ нисходящими, восходящими и боковыми (ст. 1,148 и 1,128).

Правила для наслѣдованія *нисходящихъ* состоятъ въ томъ, что 1) дѣти и ихъ потомство наслѣдуютъ послѣ отца и послѣ матери на одинаковомъ основаніи (ст. 1,127). Также важное уравненіе обоихъ половъ, котораго не видимъ въ Русской Правдѣ, ввелось не особливимъ постановленіемъ, а постепенно, вѣроятно, по мѣрѣ того, какъ женщина признана членомъ того

рода, къ которому принадлежала по рождению, и съ тѣмъ вмѣстѣ получила юридическую личность и самостоятельность; 2) дѣти одного изъ супруговъ и ихъ потомство наследуютъ только въ имѣніи своихъ родителей, а не въ имѣніи вотчимовъ и мачихъ (ст. 1,129). 3) Дочь при живыхъ сыновьяхъ (сестра при братьѣ) получаетъ изъ всего наследственнаго недвижимаго имѣнія $\frac{1}{14}$ часть, а изъ движимаго $\frac{1}{8}$ часть (ст. 1,130). Это положеніе, какъ сказано выше, ведетъ свое начало изъ помѣстнаго права. Изъ помѣстья отца дочь получала среднимъ числомъ около $\frac{1}{14}$ части въ прожитокъ и потомъ, когда выходила замужъ, въ приданое. Но въ то время дочери не наследовали вовсе при сыновьяхъ, и потому необходимо было обеспечить ихъ участь, что и достигалось выдѣленіемъ указной части изъ помѣстья. Но эта указная часть не обращалась въ собственность дочери; какъ только она выходила замужъ, эта часть переходила къ мужу, на которомъ лежала обязанность содержать свою жену. Примѣненіе этого начала къ наследованію на полномъ правѣ собственности было, безъ сомнѣнія, важнымъ шагомъ впередъ, въ томъ отношеніи, что ввело право наследованія дочерей и при сыновьяхъ, чего прежде не было; но за то, вырванное изъ помѣстной системы, посреди которой образовалось исторически, и пересаженное на почву вотчиннаго права, съ которымъ не имѣло ничего общаго, это начало утратило прежнее свое значеніе. Если уже разъ дочь можетъ наследовать въ недвижимыхъ при сыновьяхъ, то трудно понять, почему она получаетъ только $\frac{1}{14}$ часть, а не равную съ братьями? Наследованіе дочери въ $\frac{1}{8}$ части движимаго имущества было точно также результатомъ смѣшенія началъ помѣстнаго права съ греко-римскимъ ученіемъ о наследованіи супруговъ, перешедшимъ въ наше древнее законодательство, и примѣненія ихъ къ наследованію дочери. Мы видѣли, что по греко-римскому праву супругъ наследовалъ въ $\frac{1}{4}$ части движимаго имущества умершаго своего супруга, и что это правило вошло и въ наше законодательство. По началамъ помѣстнаго права дочь получала изъ помѣстья отца вдвое менѣе матери. При императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ отсюда составилось правило, что и изъ движимаго дочь должна также получить вдвое менѣе противъ матери, то есть $\frac{1}{8}$ часть. Это правило также непонятно теперь, какъ и предыдущее. 4) Сыновья дѣлятъ доставшееся имъ наследство поголовно, а потомство ихъ, по праву представленія, поколѣнно, (ст. 1,128). 5) Если послѣ

умершаго останется столько дочерей, что по выдѣлѣ каждой изъ нихъ указной части сыновня части будутъ менѣ дочернихъ, то все слѣдующее дѣтямъ имущество дѣлится между сыновьями и дочерьми поровну (ст. 1,131). Правило это постановлено въ 1815 году, въ разрѣшеніе частнаго случая, а въ теперешней обобщенной формѣ въ 1824 году. Но при этомъ остается не разрѣшеннымъ вопросъ примѣняется ли это правило отдѣльно къ движимымъ и отдѣльно къ недвижимымъ имуществамъ, или же берется въ соображеніе то и другое имущество въ совокупности. 6) Если сыновей и ихъ потомства нѣтъ, то наследуютъ дочери и ихъ потомства, на одинаковомъ основаніи съ сыновьями (ст. 1,132).

Порядокъ наследованія въ боковыхъ линіяхъ имѣетъ свои особенности и отличія.

1) Ближайшія боковыя линіи исключаютъ дальнѣйшія. Когда сибъ равны между собою, то призываются къ наследованію вмѣстѣ (ст. 1,136 и 1,137).

2) Въ боковыхъ линіяхъ сестры при родныхъ братьяхъ и ихъ потомствѣ не наследуютъ вовсе (ст. 1,135). Это правило перешло въ настоящее законодательство безъ измѣненія изъ нашего древняго вотчиннаго права. Тогда оно было проведено послѣдовательно во всѣхъ линіяхъ, какъ боковыхъ такъ и нисходящей: сестры при братьяхъ ни въ какомъ случаѣ не наследовали. Теперь же, когда къ нисходящей линіи примѣнены начала помѣстнаго права и дочери предоставлено, хотя и въ ограниченныхъ размѣрахъ, право наследованія, совершенное устраненіе отъ него сестеръ при братьяхъ является аномаліею, объясняемою только исторіей законодательства, а не внутреннимъ смысломъ постановленій; ибо указная часть изъ помѣстья давалась дочери не въ видѣ наследства, не въ собственность, а для обезпеченія ея существованія, только до вступленія ея въ супружество; и такъ, въ вотчинахъ женщина при мужчинахъ не имѣла никакой части, и потому не наследовала при братьяхъ, ни въ нисходящей, ни въ боковыхъ линіяхъ. Но когда однажды, съ 1731 года, она стала призваться къ наследованію въ имущество родителей вмѣстѣ съ братьями, хотя и въ неравной съ ними долѣ, послѣдовательность требовала распространить нововведеніе и на боковыя линіи; но этого не сдѣлали, и помѣстная указная часть, обратившись въ наследство на правахъ собственности, продолжала въ то же время оставаться указною частью. Такимъ обра-

зомъ, права наслѣдованія лицъ женскаго пола въ нисходящей линіи въ известной мѣрѣ признаны, а въ боковыхъ остались непризнанными.

3) Какъ въ нисходящей линіи дѣти наслѣдуютъ только въ имѣніи своихъ родителей, такъ и въ боковыхъ родовыхъ имѣніи переходятъ въ тотъ родъ, изъ котораго они перешли къ умершему (ст. 1, 138); благопріобрѣтенное же имущество идетъ въ родъ отца, а не матери. Изъ этого правила сдѣлано важное изъятіе въ пользу сводныхъ (е иноутробныхъ и единокровныхъ) братьевъ и сестеръ. Если нѣтъ у умершаго ни родныхъ братьевъ и сестеръ, ни ихъ потомства, то сводные его братья и сестры, съ ихъ потомствомъ, предпочитаютъ прочимъ родственникамъ; они въ этомъ случаѣ наслѣдуютъ на одинакихъ правахъ съ родными братьями и сестрами, и при этомъ между единоутробными и единокровными не дѣлается никакого различія (ст. 1, 140).

Включеніе единоутробныхъ въ число наслѣдниковъ наравнѣ съ единокровными и предпочтеніе ихъ дальнѣйшимъ родственникамъ, хотя бы только относительно благопріобрѣтеннаго имущества, представляетъ весьма замѣчательное отступленіе отъ общаго духа нашихъ древнихъ постановленій о порядкѣ законнаго наслѣдованія и вводитъ въ него новые элементы. Единокровный, при предпочтеніи мужскаго пола женскому, лежащемъ въ основаніи древняго наслѣдственнаго права, безъ сомнѣнія ближе къ умершему, чѣмъ прочіе боковые родственники, за исключеніемъ однихъ родныхъ братьевъ и сестеръ; но единоутробный во всякомъ случаѣ членъ другаго рода, и слѣдовательно, по общему смыслу нашихъ древнихъ законовъ, не могъ бы быть поставленъ наравнѣ съ единокровными, тѣмъ менѣе предпочтенъ дальнѣйшимъ боковымъ родственникамъ, членамъ т. го же рода. Такое отступленіе отъ древняго родового порядка не первое въ нашемъ дѣйствующемъ законодательствѣ о наслѣдованіи. Оно принадлежитъ къ одному порядку идей съ призваніемъ къ наслѣдству женщинъ, съ отмѣною всякихъ ограниченій въ наслѣдованіи нисходящихъ по женской линіи. Съ того времени, какъ родовыя начала были постепенно вытѣснены изъ государственной службы, они стали склоняться къ упадку и въ сферѣ гражданскихъ отношеній. Понятія о родовой вотчинѣ, о правѣ выкупа являются уже запоздалымъ остаткомъ другаго времени и другихъ общественныхъ и юридическихъ отношеній. Сообразно съ этимъ долженъ былъ мало по малу измѣниться и

взглядъ на близость родства. Начало семьи стало постепенно вытѣснять начало рода и одно изъ его примѣненій представляетъ уравненіе правъ единоутробныхъ съ единокровными и предпочтеніе ихъ прочимъ боковымъ родственникамъ. Этотъ шагъ въ пользу болѣе современныхъ возрѣвній сдѣланъ въ XIX вѣкѣ (1817, 1818 и 1836 года).

Восходящіе родственники не наследуютъ. Только послѣ бездѣтныхъ дѣтей благопріобрѣтенныя ихъ имѣнія поступаютъ къ родителямъ въ пожизненное владѣніе, а полученныя отъ родителей возвращаются къ нимъ по принадлежности (ст. 1,141 и 1,142). Это косвенное призваніе восходящихъ къ наследованію, преимущественно передъ боковыми родственниками, было послѣдствіемъ развитія рода въ генеалогическомъ смыслѣ. Когда однажды единство семейства и рода опредѣлилось кровными связями, а не сожительствомъ на одномъ мѣстѣ, и выработалось понятіе о юридической самостоятельности каждаго изъ членовъ семейства и рода, стало возможно для дѣтей имѣть свое особенное имущество, независимо отъ родителей. Пока домъ, хозяйство, а не лица наследовали, подобный случай былъ невозможенъ, ибо дѣти и другіе родственники, отдѣлившіеся отъ родителей или рода и основавшіе свое особенное хозяйство, считались какъ бы чужими и не наследовали вовсе. Но когда права наследованія стали опредѣляться не сожительствомъ, а родствомъ, тогда естественно долженъ былъ возникнуть вопросъ, кто ближе къ умершему: родители или другіе родственники? Вопросъ этотъ въ 1823 году рѣшенъ уклончиво въ пользу отца и матери. О другихъ восходящихъ ничего не сказано, и изъ этого молчанія должно заключить, что имъ предпочтены боковые родственники. Практически изъ этого умолчанія могутъ произойти разныя неудобства, напримѣръ въ томъ случаѣ, когда дѣдъ или бабушка отдадутъ свое имѣніе внуку или внучкѣ и послѣдніе умрутъ бездѣтны; ибо едва ли было бы справедливо отдать въ этомъ случаѣ имѣніе родственникамъ, не возвращая его восходящимъ, отъ которыхъ оно досталось.

Супруги наследуютъ одинъ послѣ другаго въ $\frac{1}{7}$ -ой части изъ недвижимаго и въ $\frac{1}{4}$ -ой части изъ движимаго имѣнія умершаго (ст. 1,148 и 1,153). Правило это, относительно недвижимыхъ, взято, какъ мы уже видѣли, изъ помѣстнаго права, съ распространеніемъ его на обоихъ супруговъ; относительно же движимыхъ — изъ греко-римскихъ законовъ, перешедшихъ и въ

наше древнее законодательство. Но рядомъ съ тѣмъ, встрѣчаемъ о наслѣдованіи супруговъ другое правило, заимствованное изъ совершенно другой системы законнаго наслѣдованія, именно изъ закона о маіоратахъ: мужъ дворянскаго состоянія, принявшій съ Высочайшаго утвержденія фамилію жены, послѣдней въ своемъ родѣ, въ случаѣ если она умретъ бездѣтною, получаетъ все недвижимое имѣніе, доставшееся ей отъ отца (ст. 1,160).

Право наслѣдованія супруговъ имѣетъ свои замѣчательныя особенности. Онѣ состоятъ въ слѣдующемъ: 1) право на получение указной части не погашается никакою давностію въ продолженіе всего того времени, пока оставшійся супругъ живъ (ст. 1,152 и 1,153); 2) оставшійся супругъ получаетъ свою часть сполна, прежде поступленія наслѣдства въ раздѣлъ дѣтямъ (ст. 1,128), а слѣдовательно и прочимъ наслѣдникамъ; 3) указная часть выдѣляется оставшемуся супругу не только изъ того имѣнія, которымъ другой умершій супругъ дѣйствительно владѣлъ, но и изъ того, которое досталось бы ему послѣ отца, еслибъ онъ находился еще тогда въ живыхъ (ст. 1,149 и 1,153); 4) если умершій супругъ не оставитъ недвижимаго имѣнія, то слѣдующая другому супругу $\frac{1}{7}$ часть выдѣляется изъ имѣнія тестя или свекра еще при жизни ихъ, именно изъ того, какое принадлежало имъ въ день смерти сына или дочери (ст. 1,151, 1,153 и 1,154); изъ движимаго же имѣнія тестя или свекра оставшійся супругъ получаетъ слѣдующую ему часть уже послѣ ихъ смерти. Величина части опредѣляется въ послѣднемъ случаѣ соразмѣрно съ тѣмъ имуществомъ, какое въ день смерти тестя или свекра въ наличности окажется (ст. 1,151 и 1,154). Всѣ эти правила доказываютъ крайнюю заботливость законодательства обеспечить судьбу оставшагося въ живыхъ супруга. Очевидно они внушены положеніемъ вдовы и лишь впоследствии распространены и на овдовѣвшаго мужа. Въ этихъ правилахъ слышится живой отголосокъ стараго времени, когда вдова была дѣйствительно сиротою, и хотя имѣла юридическую самостоятельность, но, не принадлежа ни къ какому семейству, оставалась беззащитною.

Таковы главные черты нашего нынѣшняго порядка законнаго наслѣдованія. Онъ сложился изъ разныхъ началъ, подъ вліяніемъ разныхъ системъ, эпохъ и возрѣній, сведенныхъ, но несогласенныхъ между собою въ одно органическое цѣлое. Нѣкоторыя изъ этихъ началъ уже отжили свой вѣкъ, другія отживаютъ, инныя являются въ видѣ зароды-

шей, которымъ предстоитъ еще развиваться въ будущемъ. При такомъ положеніи этой отрасли нашего законодательства, любопытно и поучительно знать, въ какомъ видѣ сложился порядокъ законнаго наследованія у другихъ народовъ, опередившихъ насъ на пути гражданскаго и общественнаго развитія. Никому конечно не придетъ въ голову, что желаннымъ послѣдствіемъ сличенія нашего порядка законнаго наследованія съ иностранными будетъ безотчетная замѣна чужимъ того, что у насъ установилось въ теченіи долгаго времени и вошло въ привычки и нравы; очевидная польза сравнительнаго изученія будетъ заключаться лишь въ томъ, что мы глубже будемъ всматриваться въ начала нашего законодательства и чрезъ это облегчится путь къ дальнѣйшему его развитію.

Главнѣйшимъ источникомъ и образцомъ для гражданскаго права западно-европейскихъ народовъ долгое время служило, а отчасти и теперь еще служить, римское право. По этому необходимо начать съ него (*).

Прежде всего замѣчу, что развитіе римскихъ гражданскихъ постановленій совершалось обратнымъ путемъ съ европейскими и нашими. У новыхъ народовъ и у насъ строгая юридическая опредѣленность формъ и гражданскихъ отношеній является уже какъ результатъ продолжительнаго историческаго развитія, а сначала такой опредѣленности не было и фактъ преобладалъ надъ правомъ, туго поддаваясь подъ его нормы. Совсѣмъ другое видимъ у римлянъ. Съ первыхъ же страницъ исторіи мы находимъ у нихъ строго-юридическій бытъ; самыя первоначальныя формы общественности, которыя у новыхъ народовъ подернуты туманомъ и раскрываются только передъ самымъ зоркимъ и сложнымъ критическимъ анализомъ, у римлянъ были схвачены юридически, и опредѣлены такъ положительно и точно, что мы по необходимости должны предполагать за ними продолжительный историческій процессъ, потому что онѣ, очевидно, — зрѣлый плодъ долгаго развитія. Древняя римская семья, въ противоположность нашей, есть уже учрежденіе юридическое, основаніе и первообразъ цѣлой политической системы, успѣвшей вполне развиться и уже при Сервіи Туллиѣ потребовавшей существеннаго преобразования по новому началу. Вникая въ нее, мы не

(*) Goeschen. Vorlesungen über das gemeine Civilrecht. Göttingen 1838—1843 часть 3, отдѣлъ 2 §§ 908—932. Puchta. Coursus der Institutionen. Leipzig 1836—1857. 3 Theile.

найдемъ въ ней и тѣни той неопредѣленности отношеній, которыми отличаются семьи новыхъ народовъ, на первыхъ порахъ ихъ исторіи. Все въ ней опредѣлено строго и точно. Конечно, вглядываясь глубже, мы и въ юридической семьѣ безъ труда откроемъ ту же естественную, природную основу, на которой держатся всѣ семьи въ мірѣ, древнія и новыя; но у римлянъ эта естественная основа отгѣснена юридической ея формой на второй планъ и вполне подчинена послѣдней; потому-то юридическая семья во многомъ расходится съ естественной. Впослѣдствіи, когда древняя римская общественность, основанная на юридической семьѣ, стала склоняться къ упадку, послѣдняя, въ свою очередь, начала разлагаться и естественная, кровная семья мало по малу стала вступать въ свои права. Взаимная борьба той и другой семьи, выразившаяся въ постепенномъ упраздненіи древней юридической семьи и въ постепенномъ признаніи семьи естественной и кровной, составляетъ движущее начало всей исторіи римскаго семейственнаго и тѣсно съ нимъ связаннаго наследственнаго права и представляетъ высокій интересъ для всякаго мыслящаго наблюдателя.

Чтобъ вникнуть глубже въ смыслъ этой борьбы необходимо составить себѣ ясное представленіе о семьѣ юридической и семьѣ естественной, тождественныхъ по началу, но глубоко различныхъ по своимъ формамъ.

Древнѣйшая римская семья состояла изъ главы семейства, домоначальника, и тѣхъ, которые были ему подчинены. Изъ этого вытекало, что жена, кліентъ, рабъ, усыновленный, были членами этого семейства, а эманципированный или усыновленный другимъ сынъ не были. Такимъ образомъ первоначальное понятіе о семействѣ и его членахъ было у римлянъ почти тоже самое, какъ и всюду въ первую эпоху развитія. Но особенность римскихъ учрежденій заключалась въ томъ, что тотъ же характеръ удержался и въ послѣдствіи, когда рабы и кліенты перестали считаться членами семьи, когда власть надъ женою стала различаться отъ власти надъ дѣтьми. Въ этомъ новомъ своемъ видѣ римская семья по прежнему осталась юридическою. Тѣ на кого простиралась отеческая или супружеская власть считались членами семейства; тѣ же, которые находились внѣ ея, не считались. По этому, усыновленный во всѣхъ отношеніяхъ уравнивался съ дѣтьми, становился родственникомъ родныхъ домовладыки, а эманципированный и усыновленный постороннимъ сынъ,

какъ не состоящіе подъ отеческою властью, вовсе не считались членами семейства. Изъ состоящихъ подъ властью домовладыки одни были подчинены ей непосредственно, именно, жена и дѣти родные и усыновленные и назывались *suī*; другіе состояли подъ этою властью посредствомъ другихъ, именно дѣти дѣтей, или внуки, такъ какъ дѣти, состоя подъ властью главы семейства, не могли сами имѣть ее; равнымъ образомъ и жены дѣтей, состоя подъ супружескою властью мужей своихъ, находились, по той же причинѣ, подъ отеческою властью домовладыки, но не непосредственно, а чрезъ своихъ мужей. Этимъ началомъ создано въ римскомъ правѣ особое, юридическое родство, *agnatio*, которое опредѣлялось исключительно отеческою властью. Находились въ юридическомъ родствѣ между собою тѣ лица, изъ которыхъ одно состояло подъ отеческою властью другаго, или тѣ, которыя, состояли подъ одною общею отеческою властью, или наконецъ тѣ, которыя состояли бы подъ одною властью, еслибъ всѣ были живы. Согласно съ этимъ, лица женскаго пола, не способныя имѣть отеческую власть, не считались въ юридическомъ родствѣ съ своими дѣтьми; сынъ же, а чрезъ него и внукъ, состояли въ юридическомъ родствѣ съ отцомъ и дѣдомъ; между собою сынъ и внукъ тоже находились въ юридическомъ родствѣ, хотя сынъ, при жизни отца, не имѣлъ отеческой власти надъ своимъ сыномъ, а его внукомъ; юридическое родство ихъ между собою основывалось на томъ, что оба состояли подъ одною отеческою властью. Дочь, состоящая подъ отеческою властью своего отца, считалась съ нимъ въ юридическомъ родствѣ, но сынъ ея не былъ въ такомъ родствѣ ни съ нею, ни съ своимъ дѣдомъ по матери, потому что мать не имѣла отеческой власти и притомъ сынъ ея принадлежалъ къ юридическому родству своего отца.

Таковъ былъ счетъ юридическаго родства у римлянъ. Очевидно, что первообразомъ ему служила тоже кровная связь, какъ и вездѣ; но оно опредѣлилось подъ влияніемъ замкнутаго родового быта, и эти опредѣленія, сдѣлавшись исключительно господствующими, по необходимости должны были въ извѣстныхъ случаяхъ расходиться съ естественнымъ, кровнымъ родствомъ.

Последнее называлось у римлянъ *cognatio* и было основано совсѣмъ на другомъ началѣ. Его опредѣляли не отеческая власть, а одно рожденіе, кровная связь. По счету этого родства

не были родными многие родственники по родству юридическому, какъ-то усыновленные, жена сына; за то считались, напротивъ, родственниками внуки дочери; незаконнорожденные считались родственниками матери и ея родныхъ, но были чужими для ея мужа и его родственниковъ.

Какова была семья, таковъ былъ и порядокъ законнаго наслѣдованія. Историческія извѣстія о римской семьѣ не восходятъ къ тому времени, когда личность ея членовъ совершенно поглощалась семейнымъ единствомъ. О наслѣдованіи хозяйства, дома, правильнѣе сказать о нераздѣльности хозяйства и дома въ римскомъ быту, мы не имѣемъ данныхъ, хотя весьма вѣроятно, что и у римлянъ она существовала въ свое время. Свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ, застаютъ римскую семью на генеалогической степени развитія. Имущество умершаго лица переходитъ къ юридическимъ членамъ его семейства и дѣлится между ними по степени ихъ близости къ умершему. Ближайшими почитались *sui*, то есть состоящіе непосредственно подъ его отеческою властью; сыновья не имѣли никакого преимущества передъ дочерьми; наслѣдство дѣлилось ими поголовно, или, по праву представленія, поколѣнно. За недостаткомъ подчиненныхъ отеческой власти умершаго, къ наслѣдству призывались ближайшіе юридическіе родственники изъ боковой линіи, которые дѣлили между собою наслѣдство поголовно. Если и ихъ не было, наслѣдовали члены рода — *gentiles*. Послѣ лицъ женскаго пола не могло оставаться подчиненныхъ ихъ отеческой власти; по этому имъ наслѣдовали прямо юридическіе ихъ родственники. На этомъ основаніи и дѣти не наслѣдовали иначе послѣ матери, какъ въ качествѣ юридическихъ родственниковъ: состоя равнѣ съ ними подъ властью домовладыки, она была имъ, въ порядкѣ юридическаго родства, сестрою. Въ боковыхъ линіяхъ изъ лицъ женскаго пола наслѣдовали только сестры, а дальнѣйшія родственницы не наслѣдовали. Послѣ кліента, отпущеннаго на волю и эманципированныхъ дѣтей наслѣдовали, въ случаѣ недостатка лицъ, подчиненныхъ ихъ власти, ихъ патроны и отпущившіе ихъ на волю.

Такими тѣсными и при томъ исключительно юридическими границами очерченъ былъ первоначально у римлянъ порядокъ законнаго наслѣдованія. Но подъ вліяніемъ преторскаго права, въ этотъ кругъ юридическихъ родственниковъ начали мало по малу двигаться родственники по крови. Такъ продолжалось до

тѣхъ поръ, пока родство кровное не было совершенно уравнено въ правахъ съ родствомъ юридическимъ.

Прежде всего преторъ уравниваетъ въ правахъ съ лицами подчиненными отеческой власти тѣхъ, которые были бы подчинены ей, еслибъ не были эманципированы или усыновлены другими. Какъ тѣ, такъ и другіе, послѣ эманципаціи и усыновленія, не состояли уже ни въ какомъ юридическомъ родствѣ съ своимъ отцомъ; но преторъ, косвеннымъ образомъ, призываетъ и ихъ къ наслѣдству, во имя кровнаго родства. Далѣе: когда у кого не было ни подчиненныхъ отеческой власти, ни уравненныхъ съ ними преторомъ, ни агнатовъ, призываемыхъ къ наслѣдству, то преторъ призываетъ къ наслѣдованію кровныхъ родственниковъ, какъ нисходящихъ, такъ восходящихъ и боковыхъ, мужскаго и женскаго пола, смотря по близости степеней. Всѣ, состоящіе въ одной степени родства наслѣдовали вмѣстѣ и въ равной части, но не далѣе седьмой степени. Если наслѣдники ближайшей степени не пользовались своимъ правомъ, то оно переходило къ родственникамъ ближайшей затѣмъ степени, чего строгое гражданское право не допускало. Наконецъ, если родственники не наслѣдовали, то наслѣдство переходило, по преторскому праву, къ оставшемуся въ живыхъ супругу.

Всѣ эти измѣненія въ порядкѣ законнаго наслѣдованія вводились преторскимъ эдиктомъ косвеннымъ образомъ. Преторъ не объявлялъ и не могъ объявить новыя лица, призванныя имъ къ наслѣдству, наслѣдниками, въ противность гражданскому римскому праву. Дальнѣйшее развитіе состояло въ томъ, что эти лица получили право наслѣдованія и по гражданскому праву, которое такимъ образомъ было расширено на кровныхъ родственниковъ; съ тѣмъ вмѣстѣ исключительное господство юридическаго родства мало по малу исчезло. Во второмъ вѣкѣ по Р. X. состоялись въ этомъ смыслѣ два важныхъ сенатскихъ постановленія: тертуллианово и орфитіаново. Первымъ признано право наслѣдованія матери послѣ дѣтей, но только въ такомъ случаѣ когда она имѣла ихъ извѣстное число (троихъ или четверыхъ, смотря по состоянію) или въ силу особаго закона пользовалась преимуществами такой матери. Но право наслѣдованія матери было ограничено: ей предпочитались подчиненные отеческой власти умершаго и тѣ, которые преторомъ съ ними уравнированы, а также родной отецъ и родной братъ; съ родными сестрами умершаго мать наслѣдовала въ равной части; прочимъ

же родственникамъ она предпочиталась. По второму (орфитіанову) сенатскому постановленію, дѣти получили гражданское право наслѣдованія послѣ матери предпочтительно предъ прочими боковыми родственниками.

Въ томъ же направленіи продолжалъ постепенно измѣняться порядокъ законнаго наслѣдованія при христіанскихъ римскихъ императорахъ. Разрядъ *нисходящихъ*, призываемыхъ къ наслѣдованію, расширенъ. Постановленіемъ Валентиніана II (389 г. по Р. X.) къ нимъ причислены внуки отъ дочери, только они получали меньшую часть. Юстиніанъ отмѣнилъ и это ограниченіе. Также расширенъ кругъ *боковыхъ* родственниковъ, имѣющихъ право наслѣдованія. Императоръ Анастасій уравнилъ въ этомъ отношеніи эманципированныхъ братьевъ и сестеръ съ неэманципированными, только предоставилъ первымъ меньшую часть въ сравненіи съ послѣдними. Но Юстиніанъ отмѣнилъ это ограниченіе и включилъ въ число юридическихъ родственниковъ всѣхъ братьевъ и сестеръ, а также ихъ сыновей и дочерей; уравнилъ въ правахъ юридическихъ родственниковъ женскаго пола съ юридическими родственниками мужскаго и ввелъ между ними преемство степеней, котораго прежде не было; братья и сестры призваны имъ къ наслѣдованію предпочтительно передъ отцомъ; послѣднему предоставлено только пользованіе, а имъ право собственности; послѣ матери должны были наслѣдовать въ ея имѣніи одни единоутробные, съ исключеніемъ единокровныхъ; наконецъ, роднымъ братьямъ и сестрамъ дано преимущество передъ единоутробными и единокровными.

Сенатское постановленіе тертуліаново подверглось также важнымъ измѣненіямъ. Константинъ Великій расширилъ право наслѣдованія матери, распространивъ его и на тѣхъ матерей, которыя не имѣли опредѣленнаго числа дѣтей, хотя и не въ одинаковой степени съ послѣдними; въ то же время онъ ограничилъ это право, уравнивъ въ немъ съ матерью нѣкоторыхъ изъ боковыхъ родственниковъ, которые, въ силу тертуліанова сенатскаго постановленія, исключались матерью. Юстиніанъ отмѣнилъ всякое различіе между матерями, имѣвшими и не имѣвшими дѣтей, и призвалъ къ наслѣдованію вмѣстѣ съ матерью братьевъ и сестеръ умершаго, родныхъ и единоутробныхъ, безъ различія; но за этими ограниченіями, мать предпочтена всѣмъ прочимъ боковымъ родственникамъ. При жизни отца, въ собственности наслѣдуютъ одни братья и сестры, а

пользованіе въ двухъ-третяхъ наслѣдства принадлежитъ отцу и матери вмѣстѣ.

Наконецъ, смыслъ сенатскаго постановленія орфитіанова распространенъ. Валентиніанъ II предоставилъ права наслѣдованія внукамъ и внучкамъ послѣ бабки, съ нѣкоторыми ограниченіями, отмѣненными впоследствии Юстиніаномъ. Но Юстиніанъ ограничилъ право наслѣдованія дѣтей послѣ матери тѣмъ, что отстранилъ отъ наслѣдованія незаконныхъ дѣтей знатной женщины.

Что касается до наслѣдованія отца послѣ состоящихъ подъ его властью, то объ немъ не было помину до христіанскихъ императоровъ. Первые зачатки его встрѣчаются при Θεодосіи II и Валентиніанѣ III; при послѣдующихъ императорахъ оно развилось и выработалось въ слѣдующей формѣ: собственныя имѣнія лицъ, состоящихъ подъ отеческою властью, по смерти ихъ переходили на правѣ собственности къ нисходящимъ; когда же ихъ не было, то къ братьямъ и сестрамъ, сперва роднымъ, потомъ своднымъ; съ ними вмѣстѣ наслѣдовала и мать; если и этихъ лицъ не было, тогда только наслѣдовалъ уже отецъ; но право пользования оставшимся послѣ умершаго имуществомъ переходило къ нему во всякомъ случаѣ.

Послѣднимъ результатомъ историческаго развитія порядка законнаго наслѣдованія у римлянъ было полное и совершенное уравненіе въ правахъ наслѣдованія юридическаго родства съ кровнымъ, естественнымъ. Этотъ результатъ, подготовленный изложенными выше постановленіями, окончательно установился при Юстиніанѣ, въ изданныхъ имъ 118 и 127 повеллахъ. На основаніи этихъ повеллъ и неотмѣненныхъ ими прежнихъ законовъ, которые потому сохранили свое дѣйствіе, порядокъ законнаго наслѣдованія заключался въ слѣдующемъ:

Родство служитъ основаніемъ наслѣдованія по закону, причемъ родство юридическое не имѣетъ никакого преимущества передъ кровнымъ, а мужчины передъ женщинами. Послѣ лицъ, состоящихъ подъ отеческою властью, наслѣдство переходитъ по тѣмъ же почти правиламъ, какъ и послѣ лицъ самостоятельныхъ, не подчиненныхъ ничьей отеческой власти. Но различіе полнаго и своднаго родства получило большое значеніе.

Всѣ лица, призываемыя къ наслѣдству по закону, раздѣляются на четыре разряда или класса. Къ первому принадлежатъ нисходящіе, ко второму — восходящіе, родные братья и

сестры, ихъ сыновья и дочери; къ третьему — сводные братья и сестры, ихъ сыновья и дочери; къ четвертому — всѣ прочіе боковые родственники. Подрѣбныя правила наслѣдованія, по каждому классу, суть слѣдующія. Въ *первомъ* классѣ наслѣдуютъ всѣ нисходящія, прежде всего законныя дѣти, при чемъ законнорожденные не отличаются отъ причисленныхъ къ законнымъ, состоящія подъ отеческою властью отъ несостоящихъ подъ нею. На ряду съ законными дѣтьми наслѣдуютъ и усыновленные. Чтобы понять значеніе усыновленія въ отношеніи къ законному наслѣдованію, необходимо припомнить, что у римлянъ оно существовало въ нѣсколькихъ видахъ. Усыновленіе лица, состоящаго подъ отеческою властью, называлось *adoptio*; усыновленіе несостоящаго подъ отеческою властью — *argrogatio*. *Adoptio* существовала при Юстиніанѣ въ двухъ видахъ. Когда усыновитель есть восходящій родственникъ усыновляемаго (напримѣръ отецъ его матери), то усыновленіе бываетъ полное; усыновляемый переходитъ изъ-подъ отеческой власти своего отца подъ отеческую власть усыновителя; вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ прежнія связи усыновленного по юридическому родству уничтожаются и онъ вступаетъ въ юридическое же родство съ усыновителемъ и его юридическими родственниками, но не съ его женою и ея родственниками. Когда же усыновитель лицо постороннее, то усыновленіе бываетъ не полное (*minus plena*); усыновленный не поступаетъ подъ отеческую власть усыновителя, не выходитъ изъ своего юридическаго родства и не вступаетъ въ новое. Всѣ послѣдствія такого неполнаго усыновленія ограничиваются правомъ наслѣдованія усыновленного послѣ усыновителя. По самому свойству *adoptio*, усыновлять не могли женщины; но когда это допускалось, въ видѣ изыятія, то не иначе, какъ на основаніи *adoptio minus plena*. *Argrogatio* имѣла послѣдствіемъ, что усыновленный и всѣ состоявшіе подъ его отеческою властью поступали подъ отеческую власть усыновителя; собственное имущество усыновленного теряло прежній юридическій характеръ, и изъ самостоятельной его собственности дѣлалось несамостоятельной, зависящей отъ усыновителя. Согласно съ этимъ значеніемъ различныхъ видовъ усыновленія, полное усыновленіе даетъ усыновленному право быть наслѣдникомъ всѣхъ его юридическихъ родственниковъ по усыновленію и при томъ только до тѣхъ поръ, пока послѣднее продолжается; не полное же усыновленіе даетъ право законнаго наслѣдованія только послѣ усы-

новителя. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, усыновленные не теряютъ права наслѣдованія послѣ природныхъ своихъ родителей. — Незаконнорожденные дѣти наслѣдуютъ, но не послѣ отца, а послѣ матери и ея восходящихъ, если только мать не знатная особа.

Нисходящіе наслѣдуютъ въ томъ же порядкѣ, какъ и по нашему законодательству: ближайшія степени исключаютъ дальнѣйшія; мѣсто умершихъ заступаетъ ихъ потомство, по праву представленія. Нисходящіе одной степени наслѣдуютъ поголовно, по равнымъ частямъ; заступающіе ихъ мѣсто — по праву представленія, поколѣнно. Но предоставляя право наслѣдованія нисходящимъ, римское право удерживаетъ въ пользу восходящихъ пользованіе извѣстною частью наслѣдства. Ученіе объ этомъ правѣ восходящихъ довольно сложно, и находится въ тѣсной связи съ ученіемъ объ имущественныхъ отношеніяхъ родителей и дѣтей. Сначала все, что ни прибрѣталъ сынъ, то онъ прибрѣталъ не себѣ, а тому, подъ чьею отеческою властью состоялъ, и потому не могъ имѣть собственнаго имущества. Но въ послѣдствіи, съ большимъ развитіемъ индивидуальной самостоятельности членовъ семейства, это правило смягчилось. Прежде всего признано за полную, неограниченную собственность прибрѣтателя добытое имъ въ качествѣ солдата (*peculium castrense*); потомъ за такую же собственность признано все, что состоящій подъ отеческою властью прибрѣтеть на государственной службѣ (*peculium quasi castrense*). Въ послѣдствіи, мало по малу, принято за правило, что все, что состоящій подъ властью получить не отъ отца, а прибрѣтеть другимъ какимъ нибудь образомъ, становится его собственностью, отцу же принадлежитъ только право пожизненнаго пользованія и распоряженія. Такого рода имущества называются *bona adventitia*. Согласно съ этимъ, пользованіе имуществомъ умершихъ дѣтей, когда оно переходило по наслѣдству въ собственность нисходящихъ, — или прибрѣталось восходящими родственниками въ пользованіе вновь, или же только оставалось въ ихъ пользованіи. Оно прибрѣталось ими въ пользованіе вновь, когда умершій былъ самостоятеленъ, т. е. не находился въ отеческой власти восходящихъ, ибо только подъ этимъ условіемъ онъ пользовался самъ своимъ имуществомъ. Если всѣ наслѣдники его находились подъ отеческою властью восходящаго, то естественно, что право собственности переходило къ нимъ, а пользованіе къ тому, подъ

чьей отеческой властью они состояли; если всѣ наслѣдники были самостоятельны, не находились ни подъ чьею отеческою властью, то изъ достающагося имъ отъ матери или бабки наслѣдства отецъ получалъ на свою долю, въ пожизненное пользованіе, часть равную съ дѣтьми или внуками. Наконецъ, если нѣкоторые изъ наслѣдниковъ состояли подъ отеческою властью восходящаго, а другіе нѣтъ, то онъ получалъ послѣ первыхъ все наслѣдство въ пользованіе, а послѣ вторыхъ часть равную съ каждымъ изъ нихъ. Восходящій удерживалъ въ пожизненномъ пользованіи имущество, когда умершій, послѣ котораго оставалось наслѣдство, находился подъ его отеческою властью. Кромѣ того, въ римскомъ правѣ существовало правило, въ силу котораго восходящій, освобождая кого либо отъ своей власти, какъ бы въ награду за это удерживалъ за собою, при самомъ освобожденіи, половину его имѣнія въ своемъ пользованіи. Эту половину онъ удерживалъ въ пользованіи и послѣ смерти его. Наконецъ восходящій, какъ сказано выше, получалъ въ свое пользованіе часть того наслѣдства, которое переходило къ состоящему подъ его властью отъ матери или бабки; эту часть онъ удерживалъ въ пользованіи и послѣ смерти состоящаго подъ его властью, когда имущество, по порядку законнаго наслѣдованія, переходило въ собственность къ его нисходящимъ.

Во второмъ классѣ наслѣдовали: во первыхъ, восходящіе умершаго, мужскаго и женскаго пола, какъ со стороны отца, такъ и со стороны матери, законные и незаконные (послѣдніе съ нѣкоторыми ограниченіями), родные и по усыновленію. По усыновленію полному, пока оно существуетъ, усыновители и ихъ восходящіе не различались отъ природныхъ родителей и восходящихъ, и потому наслѣдовали наравнѣ съ ними. Также наслѣдовалъ и аррогаторъ, если аррогированный умеръ по достиженіи совершеннолѣтія; если же онъ умиралъ, не достигнувъ совершеннонаго возраста, то аррогаторъ обязанъ былъ отдать полученное имъ отъ него наслѣдство тому, кто наслѣдовалъ бы, еслибъ аррогаціи не было. Наконецъ, при неполномъ усыновленіи усыновитель не наслѣдовалъ. Наслѣдовала ли усыновительница — вопросъ спорный, который большею частью ученыхъ рѣшается отрицательно. Послѣ незаконнорожденныхъ, по общему началу, наслѣдовала мать, а не отецъ, пбо только первая считалась въ родствѣ съ своими незаконнорожденными дѣтьми. По этому правилу рѣшается вопросъ и о наслѣдованіи дальнѣйшихъ вос-

ходящихъ родственниковъ незаконнорожденныхъ ; послѣ незаконнорожденныхъ восходящіе по женской линіи наслѣдовали, по мужской — нѣтъ, ибо въ первомъ случаѣ было родство, во второмъ законъ не признавалъ его.

Во вторыхъ, въ томъ же второмъ классѣ наслѣдовали родные братья и сестры. Братья и сестры по усыновленію не принадлежали къ этой категоріи, по той причинѣ, что усыновленіе не устанавливало родства съ женою усыновителя и слѣд. усыновленные относились къ роднымъ дѣтямъ, какъ сводные братья и сестры. То же должно сказать и о незаконнорожденныхъ: они — братья и сестры только по матери, слѣдовательно не родные, а сводные.

Наконецъ, въ третьихъ, къ тому же классу относились сыновья и дочери родныхъ братьевъ и сестеръ (внуки и внучки не относились). Между дѣтьми братьевъ и сестеръ дѣлалось при этомъ слѣдующее важное различіе. Дѣти братьевъ наслѣдовали въ такомъ лишь случаѣ, когда они были законныя или усыновленные по полному усыновленію и состояли съ тѣмъ, послѣ кого наслѣдовали, въ юридическомъ родствѣ; дѣти же сестры наслѣдовали только, когда были родныя, законныя или незаконныя — все равно, потому что усыновленіе женщиною не устанавливало родства усыновленного съ родными усыновительницы, а незаконнорожденные состояли въ родствѣ со всѣми ея родственниками.

Принадлежащія къ означеннымъ тремъ категоріямъ второго класса лица призывались къ наслѣдству въ слѣдующемъ порядкѣ: изъ восходящихъ наслѣдовали исключительно только ближайшіе по степени, такъ что, напр., отецъ исключалъ вовсе отъ наслѣдства родителей умершей матери; природныя восходящіе не пользовались никакимъ преимуществомъ передъ восходящими по усыновленію и наслѣдовали вмѣстѣ съ ними; родные братья и восходящіе наслѣдовали тоже вмѣстѣ; дѣти родныхъ братьевъ и сестеръ устранялись отъ наслѣдства ихъ родителями, но въ случаѣ ихъ смерти заступали ихъ мѣсто, по праву представленія; наконецъ, восходящіе не исключали сыновей и дочерей родныхъ братьевъ и сестеръ, еслибъ при открытіи наслѣдства никого изъ братьевъ и сестеръ не было уже въ живыхъ.

Между всѣми этими лицами наслѣдство дѣлилось такъ: когда наслѣдовали одни восходящіе, то мать и отецъ дѣлили наслѣдство поровну; точно также дѣлили наслѣдство и восходящіе

съ отцовской или материнской стороны, принадлежащія къ одной степени; если же наслѣдовали вмѣстѣ восходящія съ той и другой стороны, то наслѣдство дѣлилось на двѣ равныя половины, изъ которыхъ одну получали восходящія съ отцовской стороны, а другую восходящія со стороны матери, и какъ тѣ такъ и другіе дѣлили доставшуюся имъ половину наслѣдства между собою поголовно. Когда наслѣдовали одни родные братья и сестры, или вмѣстѣ съ ними восходящія, то все дѣлили между собою наслѣдство поголовно; во всѣхъ же прочихъ случаяхъ наслѣдство дѣлилось поголовно или поколѣбно, смотря по тому, сами ли лица наслѣдовали, или ихъ не было уже въ живыхъ и мѣсто ихъ заступали ихъ сыновья или дочери.

Такъ какъ восходящія призывались въ этомъ классѣ къ наслѣдованію, то они особливаго права пользованія въ части наслѣдства не получали.

Въ *третьемъ* классѣ призывались къ наслѣдованію, во-первыхъ, сводные братья и сестры, какъ единоутробные, такъ и единокровные, и наравнѣ съ ними усыновленные вполнѣ на правахъ единокровныхъ и незаконнорожденные, въ качествѣ единоутробныхъ; во-вторыхъ, сыновья и дочери сводныхъ сестеръ и братьевъ, именно: законные сыновья и дочери братьевъ, законные и незаконные сестеръ. Все эти лица наслѣдовали на тѣхъ же основаніяхъ, какъ родные братья и сестры и ихъ сыновья и дочери.

Наконецъ, въ *четвертомъ* классѣ наслѣдовали все вообще боковые родственники, за исключеніемъ только тѣхъ, которые отнесены ко второму и третьему классамъ, именно братьевъ и сестеръ и ихъ сыновей и дочерей. Принадлежащія къ этому разряду боковые родственники наслѣдовали безъ различія родныхъ отъ сводныхъ (единокровныхъ и единоутробныхъ) и отъ состоящихъ въ родствѣ по полному усыновленію. Точно также и незаконнорожденные наслѣдовали въ этомъ классѣ на основаніи общаго начала, по которому они считались родными по матери, а не по отцу. Ближайшіе по степени боковые родственники этой категоріи исключали дальнѣйшихъ; равно-близкіе наслѣдовали вмѣстѣ и дѣлили между собою наслѣдство не иначе, какъ поголовно.

Таковы были общія начала законнаго наслѣдованія во времена Юстиніана. Если лица одного класса не наслѣдовали, то мѣсто ихъ заступали лица слѣдующаго за нимъ класса; рав-

нымъ образомъ, если лица ближайшей степени не вступали въ наслѣдство, то мѣсто ихъ занимали лица слѣдующей степени; но если одно или нѣсколько лицъ ближайшей степени сами устранялись отъ наслѣдства, а не всѣ, то слѣдующая имъ часть наслѣдства раздѣлялась между прочими наслѣдниками той же степени и въ такомъ случаѣ лица дальнѣйшихъ степеней не принимали участія въ наслѣдованіи, хотя бы они по закону и призывались къ наслѣдованію, въ случаѣ смерти этихъ лицъ, вмѣсто ихъ.

Кромѣ родственниковъ, римское право призывало еще къ наслѣдованію: 1) дѣтей конкубины; 2) оставшагося въ живыхъ супруга; 3) извѣстныя юридическія лица.

Конкубинатъ — явленіе вполнѣ римское. Сначала полноправный бракъ былъ учрежденіемъ исключительно римскимъ, и потому могъ существовать только между римскими гражданами и совершался по извѣстнымъ обрядамъ, обставленъ былъ извѣстными условіями. Всѣ другія соединенія, не подходившія подъ эти условія, не почитались бракомъ. Такое исключительнонаціональное воззрѣніе на бракъ не могло удержаться навсегда и рядомъ съ гражданскимъ римскимъ бракомъ появляется впоследствии другой бракъ, по преторскому праву. Онъ отличался отъ перваго тѣмъ, что имѣлъ значеніе и послѣдствія брака, несмотря на то, что оба супруга или одинъ изъ нихъ не были римскіе граждане. Впоследствии оба брака были уравнены. Рядомъ съ такими юридическими брачными отношеніями признаны и не юридическія, — простое постоянное сожительство (*concubinatus*) мужчины и женщины. Такому сожительству приданъ тоже юридическій характеръ и послѣдствія. Дѣти отъ него происшедшія, хотя и считались рожденными внѣ брака, однако отецъ ихъ до извѣстной степени признавался (прочіе незаконнорожденные считались неимѣющими отца). Вслѣдствіе этого образовалось правило, что если кто приживетъ въ законно признанномъ конкубинатѣ дѣтей, признаетъ ихъ за своихъ, воспитаетъ и потомъ умретъ, не оставя послѣ себя ни законныхъ дѣтей, ни законной жены, то всѣ такіе прижитые въ конкубинатѣ дѣти, сколько бы ихъ не было, получаютъ изъ его имущества всего двѣ унціи; матери ихъ выдѣляется изъ тѣхъ же двухъ унцій равная съ дѣтьми часть; но потомство дѣтей, прижитыхъ въ конкубинатѣ, не призывалось къ наслѣдству. О наслѣдованіи конкубины, если у нея не было дѣтей, ничего не постановлено; но есть мнѣніе, что

она въ такомъ случаѣ получала одну унцію. Что касается до отца дѣтей, прижитыхъ въ конкубинатѣ, то и онъ получалъ изъ ихъ имущества двѣ унціи, если послѣ нихъ не осталось ни законнаго потомства, ни законныхъ супруговъ.

Вдова недостаточнаго состоянія и не получившая приданого наслѣдовала послѣ мужа, если онъ имѣлъ порядочное состояніе, вмѣстѣ съ дѣтьми, а слѣдовательно и со всѣми другими наслѣдниками. Величина ея наслѣдственной части опредѣлялась по числу прочихъ наслѣдниковъ. Если дѣтей было трое или менѣе, то она получала одну четвертую часть наслѣдства; если ихъ было болѣе, то часть равную съ каждымъ изъ нихъ; когда же наслѣдовали не дѣти, то, по мнѣнію нѣкоторыхъ, вдовѣ должна была доставаться во всякомъ случаѣ одна четвертая часть наслѣдства; другіе же полагаютъ, что и въ этомъ случаѣ дѣйствовали тѣ же правила, какъ и при наслѣдованіи дѣтей. Должно замѣтить, что наслѣдственная часть вдовы не могла превышать ни въ какомъ случаѣ ста фунтовъ золота и что въ эту часть считалось все то, что ей доставалось изъ наслѣдства мужа по другимъ основаніямъ, напр., по завѣщанію. Наконецъ, если вдова наслѣдовала вмѣстѣ съ дѣтьми, то она не имѣла права продавать или иначе отчуждать доставшееся ей послѣ мужа наслѣдство, но обязана была сохранить его для дѣтей.

Если у умершаго вовсе не было наслѣдниковъ, то имущество его переходило къ корпораціямъ, въ которыхъ онъ состоялъ и, наконецъ, къ казнѣ (*fiscus*).

Изложенныя начала законнаго наслѣдованія по римскому праву легли въ основаніе новыхъ западно-европейскихъ континентальныхъ законодательствъ, но съ важными измѣненіями. Понятіе о юридическомъ родствѣ, въ которомъ сохранились воспоминанія о первоначальномъ политическомъ и гражданскомъ бытѣ римлянъ, не имѣло никакого значенія для новыхъ народовъ и потому ими отброшено. Самое кровное родство, послужившее къ разложенію этого быта, съ появленіемъ другихъ началъ гражданской и политической жизни у новыхъ народовъ, оказалось и въ примѣненіи къ порядку законнаго наслѣдованія недостаточнымъ. Оттого нѣкоторыя законодательства ограничиваютъ его, другія — стараются замѣнить новымъ началомъ. Такого рода попытки чрезвычайно любопытны въ томъ отношеніи, что показываютъ стремленіе примѣнить новыя начала общественнаго быта къ законному наслѣдованію и привести ихъ въ

такое же соответствіе между собою, въ какомъ они были въ древнемъ мірѣ.

Для образца и примѣра, я представлю здѣсь, въ главныхъ чертахъ, два порядка законнаго наслѣдованія у новыхъ народовъ, существенно различные между собою, именно по законодательствамъ французскому и прусскому.

Порядокъ законнаго наслѣдованія по началамъ французскаго права ()*

Гражданскій кодексъ Наполеона призываетъ къ наслѣдованію по закону всѣхъ законныхъ родственниковъ умершаго, но не далѣе двѣнадцатой степени включительно. Подобнаго ограниченія не знаетъ римское право. Между наслѣдниками мужскаго и женскаго пола не дѣлается никакого различія; равнымъ образомъ на порядокъ законнаго наслѣдованія не имѣетъ никакого вліянія то обстоятельство, состоитъ ли наслѣдство изъ движимаго или недвижимаго имущества, родовое оно, или благопріобрѣтенное, идетъ ли изъ рода отца, или изъ рода матери.

Законные наслѣдники раздѣляются и по французскому праву на четыре разряда или класса, но родственники распределены между ними нѣсколько иначе, чѣмъ въ римскомъ правѣ. Къ первому классу отнесены нисходящіе; ко второму братья и сестры, родные и сводные, съ ихъ потомствомъ; отецъ и мать; къ третьему — прочіе восходящіе родственники и при извѣстныхъ условіяхъ боковые; къ четвертому — прочіе боковые родственники. Въ каждомъ классѣ право наслѣдованія опредѣляется близостью степеней: ближайшіе исключаютъ дальнѣйшихъ; но по праву представленія родственникъ дальнѣйшей степени можетъ заступить мѣсто ближайшаго. Сообразно съ этимъ наслѣдство дѣлится между родственниками одной степени поголовно, а между заступающими ихъ мѣсто поколѣнно. Замѣтимъ однако, что французское право строго различаетъ право представленія отъ того случая, когда родственникъ дальнѣйшей степени призывается къ наслѣдованію, помимо ближайшаго, во имя собственнаго своего права. Право представленія имѣетъ мѣсто только въ томъ случаѣ, когда наслѣдникъ вступаетъ въ степень ближайшую по случаю смерти ближайшаго родственника, напр., сынъ въ степень умершаго своего отца; но можетъ слу-

(*) *Zachariae. Cours de droit civil français par Aubry et Rau, Paris 1837. T. 3. §§ 595—608.*

читься, что отецъ будетъ признавъ недостойнымъ наследовать (именно, если онъ былъ причиною смерти лица, оставившаго наследство, или покушался на жизнь его, или взвелъ на него лживый доносъ въ уголовномъ преступленіи, или, зная объ убійствѣ лица оставившаго наследство, не донесъ о томъ); въ этомъ случаѣ сынъ его призывается къ наследованію не по праву представленія, а на основаніи своего собственнаго права, какъ ближайшій родственникъ умершаго.

Право представленія весьма подробно развито въ Наполеоновомъ кодексѣ. Главнѣйшія положенія къ нему относящіяся суть слѣдующія: 1) право представленія допускается только въ первыхъ двухъ классахъ наследниковъ — именно въ отношеніи къ нисходящимъ и братьямъ и сестрамъ; въ остальныхъ же двухъ классахъ не допускается; 2) право представленія допускается не иначе, какъ въ порядкѣ степеней; если между степенями есть перерывъ, другими словами, если посредствующей степени не достаетъ, то оно не можетъ имѣть мѣста. На этомъ основаніи правнукъ не имѣетъ права представленія, если, во время кончины прадѣда, и дѣда, и отецъ въ живыхъ не находились; 3) право представленія, гдѣ оно допускается, не ограничивается никакою степенью и можетъ проходить чрезъ всѣ степени, призываемыя къ наследованію; 4) право представленія есть самостоятельное право, которое имѣетъ своимъ основаніемъ законъ, а не права заступаемаго лица. Вслѣдствіе этого, кто отказался отъ наследованія послѣ заступаемаго имъ лица или кто даже объявленъ недостойнымъ быть его наследникомъ, тотъ можетъ, не смотря на то, воспользоваться правомъ представленія; 5) право представленія обязательно по закону; кто долженъ наследовать на основаніи права представленія, тотъ не можетъ измѣнить этого основанія и претендовать на наследованіе въ силу самостоятельнаго своего права; 6) не дозволяется заступать мѣсто лица находящагося въ живыхъ, хотя бы оно отказалось отъ наследства; не дозволяется также представлять лицо, которое признано недостойнымъ быть наследникомъ, хотя бы оно уже не существовало при открытіи наследства; но неспособный къ наследованію вслѣдствіе гражданской смерти можетъ быть представляемъ его потомками; 7) вообще по праву представленія можетъ наследовать только тотъ, кто могъ бы наследовать на основаніи самостоятельнаго своего права; по этому тотъ, кто признавъ недостойнымъ наследовать послѣ умершаго, не можетъ получить послѣ него наслед-

ства по праву представлення; 8) тотъ кто наслѣдуетъ по праву представлення, вступаетъ во всѣ права и обязанности того, чье мѣсто заступаетъ. Такого подробнаго развитія права заступленія не находимъ въ римскомъ правѣ.

Раздѣлъ наслѣдства между наслѣдниками также представляетъ по французскому праву весьма замѣчательныя особенности. Если послѣ умершаго не остается нисходящихъ, а либо восходящія, либо боковыя родственники, то наслѣдство дѣлится на двѣ равныя части, изъ которыхъ одна идетъ въ отцовскую линію, а другая въ материнскую. За недостаткомъ родственниковъ способныхъ наслѣдовать въ одной линіи, наслѣдство достается исключительно другой. Въ каждой изъ двухъ линій наслѣдство достается наслѣдникамъ независимо отъ другой, по общимъ, изложеннымъ выше правиламъ наслѣдованія; но это правило не распространяется на братьевъ и сестеръ сводныхъ и ихъ нисходящихъ, ибо они исключаютъ отъ наслѣдства всѣхъ восходящихъ (кромѣ отца и матери) и всѣхъ боковыхъ родственниковъ четвертаго разряда. Далѣе, правило это ограничивается въ томъ случаѣ, когда, по раздѣленіи наслѣдства между двумя линіями, отецъ или мать наслѣдуютъ вмѣстѣ съ боковыми родственниками четвертаго класса: изъ части доставшейся послѣднимъ въ порядкѣ законнаго наслѣдованія, отецъ или мать получаютъ одну треть въ пользованіе, подчиняясь однако всѣмъ условія этого вида вещнаго права, на примѣръ, обязаны дать обеспечение. Тотъ кто принадлежитъ вмѣстѣ и къ отцовской и къ материнской линіи, наслѣдуетъ по обѣимъ линіямъ, но не исключаетъ тѣмъ отъ наслѣдованія родственниковъ, принадлежащихъ къ одной линіи.

Таковы общія начала наслѣдованія по закону во французскомъ правѣ. Особенности правила для каждаго класса заключаются въ слѣдующемъ:

Въ *первомъ* разрядѣ наслѣдуютъ потомки умершаго, законныя и узаконенныя, какъ происходящія отъ одного отца и матери, такъ и родившіяся отъ разныхъ браковъ. Усыновленные наслѣдуютъ и послѣ природныхъ родителей и послѣ усыновителей, но не наслѣдуютъ послѣ восходящихъ родственниковъ послѣднихъ; равнымъ образомъ, дѣти усыновленнаго не призываются къ наслѣдованію послѣ усыновителя. Между лицами, призываемыми въ этомъ разрядѣ къ наслѣдованію, наслѣдство дѣлится поголовно, если они одной степени и наслѣдуютъ по

своему праву, и поколѣнно, — если они по праву представлѣнія вступаютъ въ степень умершаго лица.

Во *второмъ* классѣ получаютъ свою часть отецъ и мать, и за тѣмъ къ наслѣдству призываются братья и сестры умершаго, законные или узаконенные и ихъ законные или узаконенные потомки. Усыновленные, сохраняя права наслѣдованія въ семействѣ, къ которому принадлежать по рожденію, не участвуютъ въ наслѣдствѣ послѣ усыновителя вмѣстѣ съ его потомствомъ; также точно и послѣдніе не участвуютъ въ наслѣдствѣ, которое усыновленный получаетъ отъ своихъ родныхъ. Только въ извѣстныхъ случаяхъ законъ даетъ потомству усыновителя право требовать отъ усыновленнаго возврата вещей, полученныхъ имъ отъ него, или изъ его наслѣдства.

Во *второмъ* классѣ родные и сводные братья и сестры наслѣдуютъ на одинакихъ правахъ; только къ своднымъ прилагаются правила о раздѣлѣ наслѣдства на двѣ линіи — отцовскую и материнскую. Что касается до потомковъ братьевъ и сестеръ, то они наслѣдуютъ не только по праву представлѣнія, но и на основаніи самостоятельнаго права и потому исключаютъ изъ наслѣдства всѣхъ восходящихъ, кромѣ отца и матери, и всѣхъ другихъ боковыхъ родственниковъ. Наконецъ, родители наслѣдуютъ вмѣстѣ съ братьями и сестрами умершаго и ихъ законными или узаконенными потомками. Усыновленный не наслѣдуетъ съ ними, а имѣетъ лишь право требовать возвращенія вещей, имъ данныхъ.

Между всѣми этими лицами, призываемыми къ наслѣдованію во *второмъ* классѣ, наслѣдство дѣлится слѣдующимъ образомъ: отецъ и мать получаютъ каждый одну четверть изъ всего наслѣдственнаго имущества, слѣдовательно вмѣстѣ половину наслѣдства. Если кого либо изъ нихъ нѣтъ въ живыхъ, то слѣдующая ему часть достается не оставшемуся въ живыхъ родителю, а прочимъ наслѣдникамъ; если же оба родители уже умерли, то все наслѣдство достается прочимъ наслѣдникамъ. Эти остальные наслѣдники, какъ мы видѣли, суть братья и сестры и ихъ потомство. Между ними оно дѣлится поголовно или поколѣнно, на основаніи общихъ правилъ. Но если братья и сестры не произошли отъ одного брака, то наслѣдство дѣлится на двѣ равныя половины между отцовскою и материнскою линіями; за тѣмъ опредѣляется часть каждаго изъ братьевъ и сестеръ въ той и другой половинѣ поголовно; родные братья и сестры съ

ихъ потомствомъ получаютъ слѣдующія имъ части изъ той и другой половины, единокровные только части слѣдующія имъ по отцовской линіи, а единоутробные — части слѣдующія имъ по материнской линіи; другими словами, они получаютъ вдвое менѣ противъ родныхъ братьевъ и сестеръ умершаго.

По *третьему* разряду наследуютъ восходящіе по отцовской и по материнской линіямъ. Наслѣдство, согласно съ этимъ, дѣлится на двѣ равныя половины, изъ которыхъ восходящіе со стороны матери дѣлятъ между собою одну, а восходящіе со стороны отца другую половину. Принадлежащіе къ той и другой категоріи наследуютъ въ обѣихъ.

Наконецъ, въ *четвертомъ* классѣ наследуютъ все боковые родственники, за исключеніемъ братьевъ и сестеръ и ихъ нисходящихъ. Замѣтить должно, что четвертый разрядъ призывается къ наследству не только въ томъ случаѣ, когда лицъ, принадлежащихъ къ тремъ предыдущимъ разрядамъ нѣтъ вовсе, но и тогда, когда нѣтъ восходящихъ по той или другой линіи, т. е. или со стороны отца, или со стороны матери. Итакъ, когда есть восходящіе родственники только съ одной стороны, то вмѣстѣ съ ними призываются къ наследованію боковые родственники съ другой стороны, но только до двѣнадцатой степени включительно. Если же восходящихъ вовсе нѣтъ, то наследство дѣлится на двѣ равныя части, изъ которыхъ одна достается боковымъ родственникамъ со стороны отца, а другая боковымъ родственникамъ со стороны матери. Принадлежащіе къ той и другой наследуютъ въ обѣихъ половинахъ. Ближайшія степени исключаютъ дальнѣйшія; лица одной степени дѣлятъ наследство погловно.

Кромѣ лицъ, призываемыхъ къ наследству въ обыкновенномъ порядкѣ, по правиламъ, которыя изложены выше, французское законодательство допускаетъ къ наследованію по особымъ правиламъ: незаконнорожденныхъ, супруга, благотворительныя заведенія и государство. Все эти лица, за исключеніемъ незаконнорожденныхъ, наследуютъ въ такомъ лишь случаѣ, когда послѣ умершаго нѣтъ наследниковъ, т. е. нѣтъ законныхъ родственниковъ, которые имѣли бы право наследовать. Наследованіе послѣ незаконнорожденнаго, не оставившаго потомства, происходитъ также по особливымъ правиламъ.

Незаконнорожденные не считаются наследниками. Но тѣ изъ нихъ, которые признаны, получаютъ нѣкоторую часть изъ на-

слѣдства того изъ родителей , который ихъ призналъ , или изъ наслѣдства послѣ обоихъ , если незаконнорожденный признанъ и отцомъ и матерью , хотя бы умершій оставилъ послѣ себя другихъ наслѣдниковъ , какого бы то ни было разряда или класса. Часть , слѣдующая незаконнорожденному изъ наслѣдства , опредѣляется различно , смотря по тому , къ какому разряду принадлежать прочіе наслѣдники . Если умершій оставилъ наслѣдниковъ перваго разряда , то незаконнорожденному достается треть той части , какую бы онъ получилъ , еслибъ былъ законнорожденный ; если втораго или третьяго разрядовъ , то половину такой же части , т. е. половину всего наслѣдства . Когда незаконнорожденных нѣсколько , то всѣ они вмѣстѣ получаютъ тоже половину наслѣдства и дѣлятъ ее между собою поголовно . Наконецъ , если послѣ умершаго остались только наслѣдники четвертаго класса , то незаконнорожденные получаютъ всѣ вмѣстѣ три четверти той части , которая досталась бы имъ , еслибъ они были законные , другими словами , три четверти всего наслѣдства и дѣлятъ между собою тоже поголовно . Но если отецъ еще при жизни далъ незаконнорожденному половину той части , которая ему слѣдуетъ , и она была принята послѣднимъ и при этомъ отецъ объявилъ , что онъ съ намѣреніемъ уменьшилъ часть , слѣдующую незаконнорожденному , то послѣдній теряетъ право получить что бы то ни было изъ наслѣдства . Если онъ получилъ отъ отца меньше половины , то во всякомъ случаѣ имѣетъ право дотребовать изъ наслѣдства недостающее до половины ; а если болѣе половины , то обязанъ возвратить излишнее противъ слѣдующей ему части .

Законнорожденные или узаконенныя дѣти незаконнорожденных получаютъ вмѣсто послѣднихъ слѣдующую имъ часть по праву представленія . Если послѣ умершаго вовсе не осталось наслѣдниковъ по закону , то все наслѣдство переходитъ къ признаннымъ его незаконнымъ дѣтямъ , а за недостаткомъ ихъ , къ ихъ законному потомству . Впрочемъ , если бы часть незаконнорожденнаго была уменьшена самимъ отцомъ , на основаніи изложенныхъ выше правилъ , то остающееся за тѣмъ имущество достается оставшемуся въ живыхъ супругу или , за недостаткомъ его , государству , развѣ будетъ доказано , что часть незаконнорожденнаго была уменьшена умершимъ не изъ нелюбви къ нему , но въ виду другихъ наслѣдниковъ , которые или не хотятъ или не могутъ наслѣдовать .

У кого нѣтъ и незаконныхъ дѣтей, имъ признанныхъ, послѣ того наслѣдуетъ законный *супругъ*, оставшійся въ живыхъ. Только разводъ, а не отлученіе отъ ложа, уничтожаетъ взаимное право наслѣдованія супруговъ. Когда бракъ, заключенный противозаконно по невѣдѣнію или ошибкѣ, объявленъ не дѣйствительнымъ еще при жизни обоихъ супруговъ, то право взаимнаго ихъ друга послѣ друга наслѣдованія уничтожается; если же подобное объявленіе послѣдуетъ послѣ смерти одного изъ супруговъ, то другой, оставшійся въ живыхъ, не виноватый въ заключеніи брака, сохраняетъ полученное наслѣдство.

Если послѣ умершаго не останется въ живыхъ и супруга, то наслѣдство поступаетъ къ *государству*. Преимуществомъ передъ государствомъ пользуются однако въ этомъ случаѣ иногда *благотворительныя заведенія* (*hospices*). Они наслѣдуютъ послѣ дѣтей, въ нихъ содержащихся, если эти дѣти умрутъ здѣсь не достигнувъ совершеннолѣтія, или прежде эманципаціи. Подобной же привилегіей пользуются, на основаніи особливыхъ законовъ, разныя другія благотворительныя учрежденія.

Для наслѣдованія послѣ незаконнорожденныхъ постановлены особенныя правила, необходимыя уже потому, что кругъ ихъ родства опредѣляется иначе, чѣмъ законнорожденныхъ. По этимъ правиламъ послѣ незаконнорожденныхъ наслѣдуютъ ихъ нисходящіе, на основаніи общихъ постановленій. За недостаткомъ ихъ послѣ незаконнорожденныхъ непризнанныхъ наслѣдуетъ оставшійся въ живыхъ супругъ, государство, благотворительныя заведенія, а послѣ признанныхъ — тотъ изъ родителей, который ихъ призналъ, или оба по равнымъ частямъ, если они признаны обоими. Если родителей нѣтъ, то наслѣдство переходитъ къ незаконнорожденнымъ братьямъ и сестрамъ, признаннымъ родителями, къ ихъ потомкамъ, законнымъ или узаконеннымъ, а за тѣмъ къ оставшемуся въ живыхъ супругу и наконецъ къ государству. Послѣ лицъ, пронесшихъ отъ кровосмѣшенія и прелюбодѣянія, наслѣдство переходитъ къ нисходящимъ, но не можетъ переходить къ родителямъ и незаконнымъ братьямъ и сестрамъ.

Кромѣ обыкновеннаго наслѣдованія по общимъ и особеннымъ правиламъ, во французскомъ правѣ существуетъ еще особый видъ наслѣдованія, состоящій въ томъ, что имущество, безвозмездно доставшееся лицу, умершему безъ потомства, возвращается въ видѣ наслѣдства или къ тому лицу, отъ кото-

раго оно досталось, или къ его потомкамъ. Такое возвращеніе имущества называется технически *retour successoral* и совершается по опредѣленнымъ, подробнымъ правиламъ. На основаніи этихъ правилъ, правомъ возвращенія пользуется усыновитель относительно имущества, подареннаго имъ при жизни усыновленному, если только послѣдній умеръ, не оставя послѣ себя законныхъ или узаконенныхъ потомковъ; усыновленные и незаконнорожденные не препятствуютъ усыновителю воспользоваться своимъ правомъ; онъ сохраняетъ его даже послѣ послѣдняго изъ потомковъ усыновленнаго, умершихъ безъ потомства. Такое же право предоставлено всякому законному восходящему родственнику относительно имущества, подареннаго имъ одному изъ своихъ нисходящихъ, когда послѣдній не оставилъ послѣ себя законныхъ или узаконенныхъ потомковъ. И въ этомъ случаѣ, какъ и въ предыдущемъ, усыновленные и незаконнорожденные потомки не препятствуютъ ему воспользоваться своимъ правомъ. Послѣдніе не имѣютъ даже права наследованія въ такомъ имуществѣ. Далѣе: такимъ же правомъ пользуются законные и узаконенные потомки усыновителя относительно имущества, которое отъ него досталось усыновленному, умершему безъ законныхъ и узаконенныхъ потомковъ, но въ томъ только случаѣ, когда самъ усыновитель не захочетъ или не можетъ воспользоваться этимъ правомъ. Впрочемъ, это ихъ право есть самостоятельное, такъ что оно принадлежитъ имъ, хотя бы они не наследовали послѣ усыновителя и по закону не имѣли права представлять его лицо. Наконецъ, законные и узаконенные потомки отца или матери признаннаго незаконнорожденнаго имѣютъ право требовать возвращенія имущества, полученнаго этимъ незаконнорожденнымъ отъ своихъ родителей, если онъ не оставилъ послѣ себя никакого потомства, т. е. ни законныхъ, ни узаконенныхъ, ни усыновленныхъ, ни незаконнорожденныхъ, ни наследниковъ по восходящей линіи.

Замѣтить должно, что право востребованія не переходитъ къ наследникамъ тѣхъ лицъ, кому оно предоставлено, если сами эти лица имъ не воспользовались. Сверхъ того, оно обусловлено разными подробностями, въ особенности касательно востребуемаго имущества, которыя я опускаю въ настоящемъ обзорѣ.

Такимъ образомъ порядокъ законнаго наследованія по французскому законодательству есть новое, хотя и существенно-исправленное изданіе римскаго. Удержавшіяся въ римскомъ правѣ

остатки юридического родства совершенно исчезают во французском кодексе. Вместе с тем, последние слѣды неравенства мужчины и женщины, еще сохранившіеся въ юстиніановомъ законодательствѣ относительно порядка законнаго наслѣдованія, вполнѣ устранены; это видно изъ раздѣленія наслѣдства между родственниками отца и матери на двѣ равныя части, въ призваніи къ наслѣдованію незаконнорожденныхъ и мужа, и жены, въ уравненіи въ правахъ наслѣдованія родныхъ братьевъ и сестеръ съ сводными (единоутробными и единокровными). Участіе незаконныхъ дѣтей въ наслѣдованіи вмѣстѣ съ законными представляетъ тоже дальнѣйшее развитіе римскихъ воззрѣній.

Порядокъ законнаго наслѣдованія по началамъ прусскаго законодательства (*).

Обыкновенный порядокъ законнаго наслѣдованія по прусскому праву, какъ и по французскому, вообще говоря, построенъ на началахъ позднѣйшаго римскаго права, съ нѣкоторыми однако важными отъ него отступленіями, а именно: незаконнорожденные наслѣдуютъ, какъ и по римскому праву, только послѣ матери, а не послѣ отца, но законнорожденные имѣютъ предъ ними нѣкоторое преимущество, неизвѣстное римскому праву; далѣе: незаконнорожденные не наслѣдуютъ послѣ родственниковъ матери; только незаконнорожденные происшедшіе отъ одной матери наслѣдуютъ другъ послѣ друга. Наконецъ, наслѣдованіе усыновленнаго допускается прусскимъ законодательствомъ по началамъ неполнаго усыновленія: усыновленный наслѣдуетъ только послѣ усыновителя, а не послѣ его родныхъ; усыновитель же никогда не наслѣдуетъ послѣ усыновленнаго.

Подобно французскому праву, и прусское объявляетъ наслѣдниковъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, недостойными наслѣдовать и устраняетъ ихъ отъ наслѣдства. Эти случаи суть: когда кто оставилъ умершаго, находившагося въ бѣдности, безъ помощи, не смотря на то, что былъ вызываемъ содержать его и имѣлъ нужныя къ тому средства; когда кто помѣшалъ умершему составить завѣщаніе, или, напротивъ, принудилъ силою или побудилъ обманомъ сдѣлать завѣщаніе; когда кто отказался отъ наслѣдства, доставшагося ему по завѣщанію или по договору. Затѣмъ, наслѣдниками по закону, въ обыкновенномъ порядкѣ, мо-

(*) Koch. Lehrbuch des preussischen gemeinen Privatrechts. Berlin 1837 и 1838. Т. 2, §§ 844—856.

гуть быть только законнорожденные родственники и усыновленные, безъ всякаго ограниченія степеней. Право представленія прусскому праву неизвѣстно и, какъ будетъ показано ниже, оно особенно въ немъ не нуждается. Также неизвѣстно ему допущенное французскимъ правомъ ограниченіе законнаго наслѣдованія извѣстными степенями родства. Всѣ родственники считаются способными къ наслѣдованію, но не вмѣстѣ, а въ извѣстной постепенности, на основаніи которой къ наслѣдованію призывается ближайшій родственникъ, или нѣсколько родственниковъ вмѣстѣ, если они равно близки къ умершему. Близость родства опредѣляется въ прусскомъ правѣ не степенями, не линіями, а предполагаемою степенью любви умершаго къ различнымъ его родственникамъ. Такимъ образомъ, порядокъ законнаго наслѣдованія дополняетъ только вѣроятную или предполагаемую волю умершаго; онъ призываетъ къ наслѣдованію тѣхъ, которые, безъ сомнѣнія, были бы назначены наслѣдниками самимъ умершимъ, если бы онъ выразилъ свою волю въ завѣщаніи. Такой взглядъ на порядокъ законнаго наслѣдованія имѣетъ особенную важность въ двухъ отношеніяхъ; имъ не прямо признается, что нормальное основаніе наслѣдованія есть наслѣдованіе по завѣщанію, нормальное начало наслѣдованія— воля завѣщателя; въ то же время въ немъ высказывается не въ полнѣ можеть быть сознанныя мысль, что генеалогическіе счеты, родословная лѣствица, сами по себѣ, не представляютъ еще достаточно-твердаго основанія для опредѣленія порядка законнаго наслѣдованія. Какъ бы то ни было, но вслѣдствіе такого воззрѣнія прусскій порядокъ законнаго наслѣдованія отличается отъ римскаго и всѣхъ другихъ доселѣ извѣстныхъ. По прусскому праву родственники раздѣляются на пять классовъ; каждый предшествующій классъ рѣшительно исключаетъ отъ наслѣдованія послѣдующіе, пока есть хотя одно лицо, къ нему принадлежащее. Въ *первомъ* классѣ наслѣдуютъ всѣ нисходящіе, безъ различія степеней родства; во *второмъ* — отецъ и мать; въ *третьемъ* — родные братья и сестры и ихъ потомки, послѣдніе на основаніи собственнаго права, а не по праву представленія; въ *четвертомъ* — сводные братья и сестры съ ихъ потомствомъ, на томъ же основаніи, какъ и потомство родныхъ братьевъ и сестеръ; вмѣстѣ съ ними всѣ прочіе восходящіе родственники въ порядкѣ степеней; въ *пятомъ* — всѣ прочіе родственники, тоже въ порядкѣ степеней. Между многими равно-близкими наслѣд-

никами наследство не всегда дѣлится поголовно, но нерѣдко и поколѣнно, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда по прочимъ законодательствамъ имѣетъ мѣсто право представленія. При этомъ могутъ наследовать и другія лица получающія изъ наследства опредѣленную часть, или же часть, опредѣляемую по числу наследниковъ.

Для наследованія по классамъ постановлены слѣдующія правила:

Въ *первомъ* классѣ наследуютъ всѣ происходящія отъ умершаго въ нисходящей линіи. Вмѣстѣ съ ними можетъ наследовать по чрезвычайному порядку оставшійся въ живыхъ супругъ. Всѣ нисходящія, безъ различія степеней, наследуютъ вмѣстѣ по собственному праву, исключая тѣхъ, которые отдѣляются посредствующимъ лицомъ отъ умершаго (дѣти при жизни отца); если всѣ нисходящія принадлежатъ къ первой степени, то наследство дѣлится поголовно; если же съ ними вмѣстѣ наследуютъ нисходящія дальнѣйшихъ степеней, то поколѣнно. Если ближайшій наследникъ не хочетъ или не можетъ принять наследства, то наследуютъ его нисходящія.

Во *второмъ* классѣ наследуютъ только отецъ и мать, по равнымъ частямъ. Съ ними вмѣстѣ могутъ наследовать супругъ, дѣти отъ морганатическаго брака въ третьей части или въ половинѣ наследства, и незаконнорожденные въ шестой части.

Въ *третьемъ* классѣ призываются къ наследству родные братья и сестры умершаго, также ихъ потомство, по собственному праву, безъ различія степеней, поколѣнно. Съ ними вмѣстѣ могутъ наследовать по чрезвычайному порядку тѣ же лица, которыя исчислены во второмъ классѣ: супругъ, дѣти отъ морганатическаго брака и незаконнорожденные.

Въ *четвертомъ* классѣ наследуютъ вмѣстѣ, по порядку степеней, всѣ восходящія родственники, кромѣ отца и матери, въ половинѣ наследства; равно-близкіе изъ нихъ дѣлятъ слѣдующую имъ часть поголовно; другая половина наследства достается своднымъ братьямъ и сестрамъ и ихъ потомству, безъ различія степеней, поколѣнно. На различіе единокровныхъ и единоутробныхъ и на происхожденіе оставляемаго въ наследство имущества не обращается вниманія.

Наконецъ, въ *пятомъ* классѣ наследуютъ всѣ прочіе родственники, въ томъ числѣ и сводные, въ порядкѣ степеней родства; равно-близкіе дѣлятъ наследство поголовно. Вмѣстѣ съ

близкими родственниками до шестой степени включительно наследуют, въ определенной части, супругъ и дѣти отъ морганатическаго брака; родственники же дальнѣйшихъ степеней устраняются ими отъ наследованія; незаконнорожденные наследуютъ вмѣстѣ съ отдаленнѣйшими родственниками этого класса, но не болѣе какъ въ шестой части всего наследства.

По чрезвычайному порядку наследованія къ наследству призываются оставшійся въ живыхъ супругъ, морганатическія и незаконныя дѣти, воспитатели и казна.

Супруги имѣютъ взаимное право наследованія одинъ послѣ другаго, при чемъ величина части опредѣляется различно, смотря потому, какія были между ними имущественныя отношенія и съ какими родственниками они наследуютъ вмѣстѣ. Если между супругами не было общенія имуществъ, то оставшійся въ живыхъ супругъ получаетъ въ видѣ наследства: при нисходящихъ — равную часть съ дѣтьми умершаго, но ни въ какомъ случаѣ не болѣе четвертой части всего наследства; при восходящихъ, братьяхъ и сестрахъ или ихъ сыновьяхъ и дочеряхъ — третью часть; при другихъ родственникахъ, до шестой степени включительно — половину; при дальнѣйшихъ родственникахъ — все наследство. Кромѣ того, если послѣ умершаго не было нисходящихъ, то оставшійся въ живыхъ супругъ получаетъ, не въ видѣ наследства и потому безъ обязанности отвѣчать за долги, всѣ находившіяся въ ежедневномъ употребленіи столовыя и постельныя вещи, мебель и домашнюю утварь, если они не составляли принадлежности поземельнаго участка или какого нибудь права (*Gerechtigkeit*); если же между супругами существовало общеніе имуществъ, то оставшійся въ живыхъ супругъ, наследуя вмѣстѣ съ неотдѣленными дѣтьми, получаетъ на томъ же основаніи, то есть не въ видѣ наследства, платье, постель и носильное бѣлье, назначенныя для его собственнаго употребленія, а изъ остальнаго половину по праву собственности, а не какъ наследство; наследуя же вмѣстѣ съ отдѣленными дѣтьми, оставшійся въ живыхъ супругъ получаетъ такую же часть изъ наследства, какъ и въ томъ случаѣ, когда между нимъ и умершимъ не было общенія имуществъ; наследственную же часть дѣтей, сверхъ того, получаетъ въ пожизненное пользованіе. Если оставшійся супругъ наследуетъ вмѣстѣ съ отдѣленными и неотдѣленными дѣтьми, то онъ получаетъ свою наследственную часть изъ того, что достанется первымъ; остальное же слѣдую-

щее имъ наслѣдство удерживаетъ въ пожизненномъ пользованіи. Впрочемъ, оставшемуся въ живыхъ супругу предоставлено право требовать, чтобъ движимость была раздѣлена въ натурѣ или продана съ публичнаго торга. Въ первомъ случаѣ оставшійся супругъ выбираетъ себѣ одну часть и затѣмъ не имѣетъ уже никакого права пользованія на тѣ части, которыя достанутся прочимъ сонаслѣдникамъ.

Изложенными правами наслѣдованія оставшійся въ живыхъ супругъ пользуется на основаніи дѣйствительнаго полноправнаго брака, продолжавшагося до кончины другаго супруга. Постоянное отлученіе отъ ложа и стола между супругами римско-католическаго исповѣданія имѣетъ одинакія послѣдствія съ разводомъ.

Дѣти, родившіяся отъ *morganaticкаго* брака наслѣдуютъ послѣ матери и ея родныхъ, а они послѣ такихъ дѣтей, на общемъ основаніи; но послѣ отца послѣднія наслѣдуютъ въ такомъ лишь случаѣ, когда у него нѣтъ потомства отъ полноправнаго брака. Чтобъ объяснить эти различія, должно замѣтить, что въ Пруссіи существуетъ, если не въ дѣйствительности, то въ законѣ, учрежденіе очень сходное съ римскимъ конкубинатомъ, и притомъ только для лицъ мужскаго пола, принадлежащихъ къ высшему сословію, когда они вступаютъ въ бракъ съ женщинами низшихъ званій. Церковь не знаетъ этихъ различій между браками; но передъ свѣтскимъ закономъ, такой неравный бракъ есть лишь сожительство двухъ лицъ различныхъ половъ, не имѣющее всѣхъ послѣдствій полноправнаго брака. Какъ сказано, дѣти, родившіяся отъ *morganaticкаго* брака не наслѣдуютъ вмѣстѣ съ потомствомъ отъ полноправнаго брака, но лишь съ полноправною женою и прочими родственниками отца, до шестой степени включительно, а дальнѣйшихъ родственниковъ они исключаютъ отъ наслѣдства. Они получаютъ, сверхъ необходимаго для ихъ содержанія и воспитанія, треть изъ наслѣдства, сколько останется за вычетомъ части, слѣдующей вдовѣ, если ихъ всего трое, и половину, если ихъ больше. Если бы и дальнѣйшее потомство происходило тоже отъ *morganaticкаго* брака, то и оно, не смотря на то, пользуется тѣмъ же правомъ наслѣдованія. Когда они наслѣдуютъ вмѣстѣ съ одною вдовою, то послѣдняя получаетъ изъ наслѣдства только слѣдующую ей часть.

Незаконнорожденные, безъ различія, наслѣдуютъ послѣ матери, а она послѣ нихъ, но съ слѣдующими изъятіями: въ ве-

щахъ, бывшихъ въ употребленіи матери (die Gerade) они наследуютъ въ такомъ лишь случаѣ, когда нѣтъ законнаго потомства; далѣе, если у матери есть законныя дѣти, то незаконнорожденные не наследуютъ послѣ нея въ той части имущества, которое досталось ей отъ отца ея законныхъ дѣтей. Тоже правило распространяется на законныхъ потомковъ незаконнорожденныхъ относительно ихъ бабки. Послѣ родственниковъ матери незаконнорожденные не наследуютъ, исключая незаконнорожденныхъ братьевъ и сестеръ по матери и ихъ законныхъ потомковъ, хотя бы эти братья и сестры произошли отъ различныхъ отцовъ. Сопричтеніе незаконнорожденныхъ къ законнымъ не измѣняетъ этихъ отношеній по наследованію. Послѣ отца незаконнорожденные и ихъ законныя потомки наследуютъ только въ такомъ случаѣ, когда у него нѣтъ потомства отъ законнаго или морганатическаго брака, и притомъ не болѣе какъ въ шестой части наследства, сколько его окажется за вычетомъ указанной части женѣ. Величина части, достаемой незаконнымъ дѣтямъ послѣ отца ни въ какомъ случаѣ неизмѣняется, хотя бы сонаследникомъ ихъ, за недостаткомъ родственниковъ, была казна. Эту шестую часть незаконнорожденные дѣлятъ между собою поголовно, ихъ законныя потомки поколѣнно. Незаконнорожденные, не получившіе еще воспитанія, имѣютъ право, по своему усмотрѣнію, потребовать вмѣсто слѣдующей имъ части такую сумму, какая необходима для довершенія ихъ воспитанія. Величина ея опредѣляется судомъ. Если умершій оставилъ также и законныхъ дѣтей, то эта часть можетъ быть выдѣляема только изъ ежегодныхъ доходовъ и не можетъ превышать общей суммы ихъ; если же послѣ умершаго остались не дѣти, а другіе наследники, то незаконнорожденнымъ можетъ быть выдѣлена недостающая часть и изъ капитала. Если остались законныя дѣти, не получившія еще воспитанія и доходъ съ наследства недостаточенъ для воспитанія всѣхъ, то онъ распредѣляется между всѣми дѣтьми, неполучившими еще воспитанія такъ, что каждый законный ребенокъ получаетъ вдвое болѣе противъ незаконнорожденнаго; если же доходовъ нѣтъ, или если законныя дѣти потребуютъ самое наследство, то незаконнорожденные остаются не причемъ.

Право наследованія принадлежитъ также тѣмъ, которые по благотворительности содержали умершаго. Они призываются къ наследованію въ оставшемся послѣ него имуществѣ. Такимъ

правомъ пользуются: 1) воспитатели послѣ своего питомца, предпочтительно передъ тѣми его родственниками, которые умышленно отказались отъ попеченія объ немъ, хотя и имѣли къ тому всѣ средства; 2) частныя лица, которыя кормили и содержали умершаго, взаимно его зажиточныхъ родственниковъ, оставшихъ его безъ помощи, не смотря на то, что ихъ приглашали озаботиться о судьбѣ роднаго; наконецъ 3) общественныя благотворительныя заведенія для бѣдныхъ, при подобныхъ же условіяхъ, и сиротскія заведенія, въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ закономъ случаяхъ.

За тѣмъ имущество, остающееся вовсе безъ наслѣдниковъ, поступаетъ въ казну.

Таковъ, въ главныхъ чертахъ, порядокъ законнаго наслѣдованія по прусскому праву. Онъ существенно отличается отъ римскаго и французскаго тѣмъ, что предоставляетъ большія права наслѣдованія супругу и даетъ преимущество отцу и матери передъ всѣми прочими боковыми родственниками. Въ немъ, даѣе, нѣтъ права представленія; но при допущеніи поколѣннаго раздѣла наслѣдства, это отличіе не имѣетъ особенно важныхъ практическихъ послѣдствій. Въ остальномъ, прусскій порядокъ законнаго наслѣдованія представляетъ многія общія или по крайней мѣрѣ сходныя черты съ римскимъ и французскимъ, отличаясь отъ нихъ лишь подробностями, которыя объясняются особенностями нѣмецкой національности и ея историческаго развитія. Но одна черта прусскаго порядка законнаго наслѣдованія придаетъ ему отличительный характеръ и болѣе всѣхъ другихъ заслуживаетъ вниманія: это отсутствіе строго-юридическаго развитія, которое такъ рѣзко бросается въ глаза въ римскомъ правѣ и такъ еще сильно отзывается во французскомъ. Прусское законодательство, какъ мы видѣли, идетъ отъ того начала, что наслѣдство достается предпочтительно тѣмъ лицамъ, которыя почему бы то ни было ближе прочихъ къ умершему; кто къ нему хорошъ, кто ему дорогъ, тотъ имѣетъ преимущество передъ тѣмъ, который по счету родства, юридически, къ нему ближе, или по крайней мѣрѣ имѣетъ равныя съ нимъ права. Такимъ образомъ, рядомъ съ юридическимъ началомъ родства поставлено другое, которое видоизмѣняетъ его. Но это новое начало не проведено вполне послѣдовательно, и родство все-таки остается главнымъ основаніемъ порядка законнаго наслѣдованія, удерживая во многихъ случаяхъ преимущество родственниковъ пе-

редь лицами дѣйствительно близкими къ умершему; однако и въ этихъ случаяхъ законъ старается по крайней мѣрѣ обеспечить воспитаніе и содержаніе такихъ лицъ, до тѣхъ поръ, пока они въ томъ нуждаются. Права наслѣдованія оставшагося супруга, воспитателя, незаконнорожденнаго при законныхъ дѣтяхъ, объясняются такою двойственностью началъ законнаго наслѣдованія, и съ этой точки зрѣнія прусскій порядокъ законнаго наслѣдованія имѣетъ важное преимущество передъ римскимъ и французскимъ, не смотря на нѣкоторую спутанность, многосложность и отсутствіе строго-очерченныхъ юридидескихъ формъ, и потому представляетъ шагъ впередъ въ историческомъ развитіи порядка наслѣдованія по закону.

Всѣ изложенные выше различныя порядки наслѣдованія вмѣстѣ, и каждый изъ нихъ въ особенности, существенно разнятся отъ принятаго въ нашемъ дѣйствующемъ законодательствѣ. Не останавливаясь на подробностяхъ, я укажу здѣсь, въ заключеніе, на самыя существенныя черты этого различія. Онѣ приводятся къ слѣдующимъ главнымъ пунктамъ :

1) Порядокъ законнаго наслѣдованія по русскому законодательству основанъ на родовомъ началѣ и потому различіе имуществъ родовыхъ и благопріобрѣтенныхъ играетъ въ немъ весьма важную роль. Родовымъ имѣніемъ нельзя распорядиться по завѣщанію ; въ одномъ только случаѣ это дозволено, именно, когда у завѣщателя нѣтъ нисходящихъ, но и то распоряженіе должно быть сдѣлано въ пользу члена рода. Отсюда вытекаетъ, что послѣ бездѣтнаго материнское имѣніе идетъ въ родъ матери, отцовское — въ родъ отца. Благопріобрѣтенное, по правилу, переходитъ въ родъ отца и въ этомъ, между прочимъ, высказывается преимущество мужскаго пола передъ женскимъ въ наслѣдованіи. Но родовое начало не выдержано строго въ нашемъ законодательствѣ. Своднымъ братьямъ и сестрамъ предоставлено равное право наслѣдованія въ благопріобрѣтенномъ имуществѣ лица, умершаго бездѣтнымъ и не оставившаго послѣ себя ни родныхъ братьевъ и сестеръ, ни ихъ потомства; кромѣ того, призываются къ наслѣдованію родственники по женской линіи, которые очевидно принадлежатъ къ другому роду, если даже считать мать, вышедшую замужъ въ другой родъ, членомъ того рода, къ которому она принадлежитъ по рожденію. Такимъ образомъ, историческое начало рода, лежащее въ основаніи нашего порядка законнаго наслѣдованія, уступило отчасти

новымъ понятіямъ о семейныхъ и родственныхъ связяхъ, но чрезъ это произошло смѣшеніе началъ и непоследовательность, которой не находимъ въ другихъ европейскихъ законодательствахъ. Послѣдніе не знаютъ различія между родовыми и благоприобрѣтенными имуществами, не принимаютъ родъ за основаніе порядка законнаго наслѣдованія. Бракъ соединяетъ два рода на совершенно равныхъ правахъ. Плодъ брака — дѣти равно близки роднымъ отца и роднымъ матери. Итакъ, средоточіемъ, исходнымъ пунктомъ для опредѣленія порядка законнаго наслѣдованія является не отвлеченное понятіе рода, съ преобладаніемъ мужскаго пола передъ женскимъ, а семья, въ которой мужъ и жена, или отецъ и мать, относительно наслѣдованія, юридически, совершенно равны. Вслѣдствіе этого, законное наслѣдованіе по римскому, французскому и прусскому правамъ, несмотря на ихъ различіе въ подробностяхъ, представляетъ систематическое, стройное цѣлое, построенное по одному началу, которое послѣдовательно проведено во всѣхъ частныхъ его приложенияхъ. Когда семья есть точка отправленія для опредѣленія порядка законнаго наслѣдованія, то отсюда прямо вытекаетъ, что дѣти и нисходящее потомство должны имѣть преимущество предъ всѣми прочими; за недостаткомъ ихъ наслѣдство обращается къ ближайшимъ членамъ семьи—родителямъ, братьямъ и сестрамъ съ ихъ потомствомъ, къ восходящимъ, а потомъ уже къ прочимъ боковымъ родственникамъ. Напротивъ, если принять родовое начало за основаніе законнаго наслѣдованія, то изъ него не всегда можно послѣдовательно вывести преимущество нисходящихъ передъ восходящими и боковыми родственниками, ни право наслѣдованія единопутробныхъ и родственниковъ по женской линіи.

2) Въ связи съ предыдущимъ находятся два другихъ важныхъ различія нашего порядка законнаго наслѣдованія отъ европейскихъ. Послѣдніе, проводя послѣдовательно свое начало наслѣдованія, совершенно уравниваютъ наслѣдственные части мужчинъ и женщинъ, въ нисходящихъ, восходящихъ и боковыхъ линіяхъ. Наше законодательство сперва вовсе не допускало къ наслѣдованію женщинъ при мужчинахъ, когда тѣ и другіе принадлежатъ къ одной линіи и состоятъ въ одинаковой степени родства съ умершимъ; теперь же оно отчасти призываетъ къ наслѣдованію нисходящихъ женскаго пола, но въ боковыхъ линіяхъ удержало прежнее начало. Далѣе: иностран-

ныя законодательства призываютъ къ наслѣдованію отца, мать и другихъ восходящихъ родственниковъ, давая имъ первенство то передъ родными братьями и сестрами, то передъ сводными и во всякомъ случаѣ передъ прочими боковыми родственниками. Наше законодательство даетъ родителямъ бездѣтно умершаго только право пожизненнаго пользованія въ имуществахъ благопріобрѣтенныхъ и, подѣ известными условіями, право наслѣдственнаго возвращенія (*retour successoral*), но не наслѣдованія въ настоящемъ смыслѣ слова. Всѣ прочіе за тѣмъ восходящіе совершенно устранены отъ наслѣдованія, что, можетъ быть, тоже не всегда согласно съ родовымъ порядкомъ законнаго наслѣдованія.

3) Законодательства римское, французское и прусское допускаютъ наслѣдованіе незаконнорожденныхъ дѣтей и ихъ законнаго потомства, первое только послѣ матери и ея родственниковъ, послѣднія не только послѣ матери, но даже и послѣ отца. Наше законодательство безусловно отвергаетъ право наслѣдованія незаконнорожденныхъ. Этимъ, можетъ быть, объясняется, почему у насъ съ одной стороны такъ облегчено признаніе дѣтей законными, а съ другой такъ затруднено опроверженіе ихъ законности.

4) Наслѣдованіе по праву представленія превосходно обработано во французскомъ правѣ и строго отлечено отъ наслѣдованія на основаніи собственнаго права. Въ нашемъ законодательствѣ право представленія существуетъ, но не развито юридически и не различено точнымъ образомъ отъ наслѣдованія по собственному праву, какъ ни важно это различіе при опредѣленіи наслѣдственныхъ частей.

5) Во всѣхъ иностранныхъ законодательствахъ, которыхъ обзорѣе представлено выше, между усыновителемъ и усыновленнымъ существуетъ право законнаго наслѣдованія, въ римскомъ конечно въ большей мѣрѣ, чѣмъ во французскомъ и прусскомъ, потому что въ послѣднихъ юридическое родство признается въ гораздо меньшей степенн, чѣмъ въ римскомъ. Въ Сводѣ Законовъ усыновленные наслѣдуютъ послѣ усыновителей во всѣхъ званіяхъ, кромѣ дворянскаго сословія, но нѣтъ рѣчи ни о наслѣдованіи усыновителя послѣ усыновленнаго, умершаго безъ потомства, ни даже о возвращеніи по наслѣдственному праву (*retour successoral*) имущества, подареннаго

усыновителемъ усыновленному, когда послѣдній не оставитъ по себѣ потомства.

6) Рѣшительное преимущество нашего законодательства передъ иностранцами состоитъ въ правѣ наслѣдованія супруговъ другъ послѣ друга. У насъ оставшійся въ живыхъ супругъ не только наслѣдуетъ на ряду съ несходящими, но даже имѣетъ передъ ними разныя преимущества по наслѣдованію, а именно: часть его ни въ какомъ случаѣ не измѣняется и выдѣляется изъ наслѣдства непременно въ полномъ количествѣ, а уже остающееся за тѣмъ идетъ въ раздѣлъ между прочими наслѣдниками. Мало того: пережившій супругъ получаетъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, слѣдующую ему часть наслѣдства изъ имѣнія тестя или свекра, еще при жизни ихъ. Такими преимуществами по наслѣдованію не пользуются супруги ни въ какомъ другомъ законодательствѣ. Римское право призываетъ къ наслѣдованію жену только въ опредѣленныхъ случаяхъ и при извѣстныхъ условіяхъ; французское — когда нѣтъ другихъ родственниковъ; ближе къ нашему законодательству стоитъ въ этомъ отношеніи прусское, но и оно далеко не такъ благопріятно для взаимнаго наслѣдованія супруговъ, какъ наше. Нельзя однако не замѣтить, что особенности наслѣдованія супруговъ по Своду Законовъ не столько опредѣляются общими началами нашего порядка законнаго наслѣдованія, сколько невыгоднымъ юридическимъ положеніемъ женщины, оставшейся вдовою, особливо въ старину. Права наслѣдованія вдовы послѣ мужа, собственно говоря, несправляли, до нѣкоторой степени, несправедливость общихъ правилъ о наслѣдованіи лицъ женскаго пола. Впослѣдствіи же преимущества и привилегіи по наслѣдованію вдовы послѣ мужа распространены и на вдовца послѣ жены.

7) Право французское и прусское принимаетъ двоякія основанія для устраненія законнаго наслѣдника отъ наслѣдованія: *безусловныя*, лишаяющія его вообще права наслѣдовать послѣ кого бы то ни было, и *относительныя*, въ силу которыхъ наслѣдникъ устраняется отъ законнаго наслѣдованія послѣ извѣстнаго только лица, вслѣдствіе того, что нарушилъ въ отношеніи къ нему родственныя, нравственныя, человѣческія обязанности. Наше законодательство признаетъ только безусловныя причины устраненія отъ наслѣдства; послѣднія, относительныя, ему неизвѣстны.

8) Наконецъ, французское законодательство ограничиваетъ законное наслѣдованіе по родству извѣстною (двѣнадцатою) степеню и устраняетъ отъ наслѣдства за неродственные поступки; прусское даетъ преимущество въ наслѣдованіи постороннимъ, даже юридическимъ лицамъ (заведеніямъ) передъ родными, когда посторонніе, чужіе, поступали съ оставшимъ наслѣдство, при жизни его, какъ родные. Отсюда видно, что и французское и прусское законодательство, не ограничиваясь родословными росписями, признаютъ родство за основаніе законнаго наслѣдованія въ той лишь мѣрѣ, какъ оно совпадаетъ съ дѣйствительно близкими, родственными отношеніями, а не существуетъ только юридически, по одному имени. Въ нашемъ законодательствѣ нѣтъ слѣдовъ никакихъ подобныхъ ограниченій въ наслѣдованіи родственниковъ.

Такимъ образомъ и историческое и сравнительное изученіе нашего порядка законнаго наслѣдованія указываютъ на то, что ему предстоитъ еще дальнѣйшее развитіе. По какимъ началамъ и въ какомъ объемѣ оно совершится, — это будетъ зависеть отъ хода развитія всей нашей общественной и частной жизни и отъ направленія, какое приметъ наше законодательство.
